

ДЕТЕКТИВ

СВЕТЛАНА

АЛЕШИНА

В ПЕКЛО ПО СОБСТВЕННОЙ ВОЛЕ

Светлана Алешина

**В пекло по собственной
воле (сборник)**

«Научная книга»

1999

Алешина С.

В пекло по собственной воле (сборник) / С. Алешина —
«Научная книга», 1999

В море падает самолет с двадцатью пассажирами, среди которых заместитель министра МЧС. Капитану спасателей Ольге Николаевой удастся выяснить, что причина аварии – взрыв, устроенный представителем одной из силовых структур. Через месяц-другой волна цунами смывает островной поселок и рыбокомбинат. Японцы утверждают, что это – результат искусственного землетрясения, устроенного российской стороной. Капитан Николаева и здесь выходит на след человека, устроившего взрыв в самолете. Преступник схвачен за руку. Теперь дело за малым – разоблачить «крутое» ведомство...

Содержание

В пекло по собственной воле	5
Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	23
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Светлана Алешина

В пекло по собственной воле (сборник)

В пекло по собственной воле

Глава первая

Никогда раньше не думала, что больница, рядом с которой я живу, будет вызывать во мне неприязненные чувства. В больничном городке прошло мое детство, как и у других девчонок и мальчишек окрестных домов. Нагромождение больничных корпусов, новых и старых, хозяйственные постройки, гаражи, вечный ремонт и вечное строительство – и все это в деревьях, за которыми никто особенно не следил, и поэтому они заросли кустарником, а кое-где даже высокой травой. Место, более подходящее для игры в войну или в прятки, чем тарасовская городская больница имени Федина, трудно придумать.

В детстве я знала каждый камень и каждое дерево в больничном дворе, а сама больница никогда не ассоциировалась у меня с болью и страданием – только с игрой, весельем и компанией друзей. Тогда мы не знали ни о смерти, ни о боли, а самым страшным на свете казался санитар Федор из больничного морга – вечно пьяный и вечно мрачный, небритый, всегда – в темно-синем халате. Он выходил из своего подвала, куда отвозил тела умерших, садился на пустой ящик из-под молочных бутылок, курил и думал о своем, щурясь на солнце, а мы дрожали от страха, считая, что он высматривает кого-то из нас, чтобы схватить и утащить в свой подвал. Зачем? Тогда мы себе этот вопрос не задавали.

Теперь не узнаю фединскую больницу. Вернее – не узнаю своих ощущений, когда прохожу мимо. Я почти боюсь ее молчаливых корпусов, в палаты которых попадают мои друзья изломанными и израненными. Некоторые из них навсегда остаются в этих палатах, пропадают без следа. Впрочем, след, конечно, есть – в моей памяти, но... Я не вижу больше их улыбок, не слышу их смеха и не прячу при встрече свою руку от их протянутой для рукопожатия руки – мои друзья-спасатели не умеют рассчитывать силы, когдажимают руку женщине.

Вот и сейчас в одном из корпусов «Фединки» лежит безмолвный Григорий Абрамович и смотрит в потолок долгим усталым взглядом... А я подхожу к больничной ограде, и в сердце у меня шевелится неприятный страх – неужели с моим первым командиром, нашим любимым Грэгом, мне теперь придется видеться только здесь?..

Григорий Абрамович был ранен, когда наша федеральная спасательная группа выполняла особое поручение министерской контрразведки во время тушения лесного пожара в Подмосковье. Два пулевых ранения в голову, и – вот уже скоро месяц – он лежит парализованным. А командиром Тарасовской ФСГ-1 стала я – капитан МЧС, экстремальный психолог второй категории Ольга Николаева. До сих пор не могу привыкнуть к тому, что теперь я целиком несу ответственность за действия группы и что мне подчиняются любитель головоломок и детективных повестей Игорек и стеснительно-грубоватый дядя Саша Масляков по прозвищу Кавээн – обладатель стальных мускулов и снайперского глаза. Но главное – не могу поверить теперь, что «Фединка» отдаст свою добычу, что Григорий Абрамович сумеет выбраться из нее... Хотя и хочу, очень хочу верить в это.

Я прихожу к Григорию Абрамовичу каждый день, перед тем как идти в управление к ребятам. Люблю приходить к нему рано утром, когда, кроме нянечек, в больнице все еще спят, в коридорах тихо и безлюдно – даже не похоже на больницу. Рассказываю ему все, что случилось вчера, обо всех своих радостях и неприятностях, а их у командира группы всегда хватает.

Сегодня я иду к Григорию Абрамовичу посоветоваться по очень трудному для меня вопросу.

Мне нужен именно его совет, потому что предмет, о котором я хочу посоветоваться, слишком деликатного свойства. Речь идет о задании, которое дал мне руководитель службы внутренних расследований, или контрразведки, как мы ее называем, генерал Чугунков. Дал устно, без всякого приказа, потому что доверить такое бумаге может только сумасшедший!

Я чувствую, здесь немного придется пояснить, иначе непонятно будет, какова связь между раненым Григорием Абрамовичем и моим секретным заданием...

Дело в том, что наше МЧС – Министерство чрезвычайных ситуаций – за десять лет существования, а особенно за последние годы, превратилось в реальную силу, в альтернативную силовую структуру, способную противостоять Федеральной службе безопасности, МВД, всякого рода спецслужбам и спецподразделениям. Жизнь в России по самому своему содержанию стала сплошной чрезвычайной ситуацией, поэтому нам теперь до всего есть дело – от природных катастроф до акций социального протеста. Понятно, что не всем это нравится. Наибольшее раздражение силы МЧС вызывают у людей, приспособившихся к существующему статус-кво и научившихся поддерживать нейтралитет с прежними силовиками.

Их раздражение объясняется тем, что МЧС построена на принципиально иных основах, чем все остальные силовые ведомства. Система внутренних взаимоотношений в структурах МЧС во многом определяется неписаным Кодексом первых спасателей, которые и организовывали эту службу, думая прежде всего не о централизме и единоначалии, а о том, что в чрезвычайной ситуации главная забота – жизнь людей. Главное действующее лицо – Спасатель, а не блюститель буквы закона, как милиционер или полицейский. Те, кто начинал, пытались создать структуру, заботящуюся об интересах человека, а не государства. На первое место в современной системе ценностей выходит отдельно взятый россиянин, а не вся абстрактная Россия в целом, как было прежде. МЧС – это силовая структура будущего. Похоже, что эта забота об отдельно взятом человеке кому-то стала поперек горла, что чье-то терпение наконец лопнуло и против нас, спасателей, начинают необъявленную войну – провокации, интриги, разного рода подставки, выливающиеся иной раз в откровенные диверсии. МЧС вынуждено было создать собственную секретную службу, главная задача которой – противостоять этим идущим от неизвестного адресата проискам, разрушать интриги своих безымянных пока врагов, нейтрализовать непрерывные попытки дискредитировать наши действия и всю нашу структуру вообще.

Несколько последних заданий, которые получала наша группа, убедили меня в том, что наш командир, полковник Григорий Абрамович Воротников, работает на эмчээсовскую контрразведку. Собственно говоря, ничего удивительного в этом не было, потому что генерал Чугунков – его старый друг, вместе с которым они все это начинали... А совсем недавно Грэг сам рассказал мне об этом и еще сообщил, что согласился на уговоры министра и Чугункова возглавить министерскую информационно-аналитическую службу, а руководство нашей тарасовской группой решил передать мне. И вот, пожалуйста, – он лежит в больнице!

А мне позарез нужен его совет. Сама я, возможно, даже права не имею вмешиваться во взаимоотношения людей, на которых падает тень подозрения в сотрудничестве с нашими противниками. Чугунков чуть не выматерил меня, когда я сообщила, что ко мне в руку попали сведения о том, что один из Первых Спасателей, входящий в число главного руководства МЧС, является тайным агентом некой политической группировки, о которой пока известно только, что она существует, что лидером ее является некий крупный бизнесмен, имени которого мы не знали и потому условно называли его Конкурентом, имея в виду конкуренцию Президенту. Известно было также, что у Конкурента есть своя особая оперативная служба, что-то вроде силовой мини-структуры. У меня не было никаких доказательств того, что один из членов высшего руководства МЧС связан с людьми Конкурента, но зато имелось убедительное свидетель-

ство, что сообщивший мне об этом агенте говорит правду – он искренне считал, что я умру, так и не успев ничего никому сообщить. Случилось так, что мы с ним поменялись ролями, – я осталась в живых, а он... Он провалился в горящий торф и унес с собой всю информацию, которой обладал...

Чугунков долго доказывал мне, что это дезинформация, что сама идея – бредовая, но я стояла на своем, и в результате мне удалось его убедить. Но, как оказалось, ненадолго. Едва он вернулся в Москву и взглянул еще раз на своих друзей, одного из которых должен был объявить предателем и шпионом, сомнения вновь взяли в нем верх. Он позвонил мне и сказал, что отменяет свой устный приказ. Это значило, что мне не нужно разрабатывать план операции по выявлению агента. Я не должна даже думать об этом, а уж говорить с кем-либо... Чугунков так и сказал: «Забудь об этом!»

Легко сказать – забудь! Я не умею отдавать приказы своей голове. Не думать об этом еще можно, конечно, попытаться, но забыть!.. Все равно – не получится. Для меня это слишком важно. Я должна верить в Первых Спасателей. Искать среди них предателя – все равно что рубить тот самый сук, на котором устроено наше гнездо. Но не могу же я согласиться с тем, что этот человек и дальше будет нас всех предавать!

Поэтому мне и нужен был совет Григория Абрамовича – что делать с мучающей меня проблемой.

Я вошла к нему в палату с надеждой, что состояние его и впрямь улучшилось, как утверждают врачи. Но Григорий Абрамович все так же разглядывал потолок, и я даже не знала, чувствует ли он мое присутствие, слышит меня или не слышит.

Я присела на стул рядом с кроватью. Помолчали.

– Как дела? – спросила я.

«Нормально, – молча ответил Григорий Абрамович. – Скучновато вот только без новостей. Я подозреваю, что ты и половины мне не рассказываешь... Что – настолько плохие новости?»

– А что рассказывать? У нас затишье, Григорий Абрамович. Вторую неделю сидим без дела. Ничего в России, слава богу, не случается. Мы тоже скучаем... Игорек с Эркюлем Пуаро соревнуется – дочитывает рассказ до половины, книжку закрывает и пытается вычислить преступника.

«Ну и как успехи?»

– По-моему, очень неплохо, – ответила я. – Раскрываемость у него – восемьдесят. Пуаро он, конечно, проигрывает, у того – все сто процентов. Но Игорек считает, что Пуаро соревнуется нечестно, он применяет интерактивные методы раскрытия преступлений, а Игорек вынужден довольствоваться наблюдениями со стороны...

Я помолчала секунду и добавила:

– Сходим, в общем, с ума потихоньку...

Григорий Абрамович, как мне показалось, вздохнул. Я посмотрела на него внимательно, но он лежал все так же неподвижно и безмолвно.

«Ну-ка, давай, выкладывай, что тебя беспокоит, – сказал Григорий Абрамович. – Не умеешь ты притворяться. Лучше и не начинай. У тебя на лице все написано. С Сергеем своим все никак решить не можете – кому первому делать шаг навстречу?»

– Нет, с Сергеем мы давно не виделись, – ответила я, смутившись от его компетентности в моих личных делах. – И разговаривать о нем не хочу...

«Тогда сама рассказывай, – сказал Григорий Абрамович и вздохнул. – Я же по глазам вижу – ты за этим ко мне и пришла».

– Чугунков звонил, – тоже вздохнула я. – Он не хочет мне верить. Не может подозревать никого из своих старых друзей.

«Я тоже не могу, – ответил Григорий Абрамович. – Этих людей я знаю с тех пор, когда мы еще не были спасателями, мы ходили в горы, вытаскивали из пропастей заблудившихся обмороженных туристов и любили друг друга искренне и бескорыстно... Я с таким же успехом могу самого себя подозревать в сотрудничестве с австралийской контрразведкой. Мы романтики, Оля, мы старые романтики, и нам трудно расставаться со своими идеалами. Я понимаю Костю Чугункова...»

– Я тоже его понимаю! – перебила я. – Не понимаю только одного – почему вы прячете головы в песок, как страусы? Страшно расставаться с добрыми милыми сказками? Страшно смотреть фактам в лицо? Среди вас нашелся человек, который предал вашу дружбу. Конечно, это горько, это – больно! Я понимаю. Предатель – это тот же убийца. Он убивает веру. Но только в тех, в ком она слаба! Если вы откажетесь искать предателя, я перестану вас уважать – и тебя, Грэг, и Чугунка!

Если бы Григорий Абрамович мог двигаться, он бы вскочил и принялся вытирать носовым платком свою лысину. Потому что он явно разволновался.

«Уважать она нас перестанет! – закричал он на меня. – Нам, между прочим, простиительно! Мы свои жизни прожили. И прожили так, что не стыдно – ни за себя, ни за друзей! А вот как ты жить будешь, если сейчас отступишь? Как в зеркало на себя смотреть будешь? Мы с Чугунковым не верим? А ты сама-то веришь, что этот шпион существует на самом деле? Что ты не придумала его?»

– Верю! – упрямо кивнула я головой.

«Раз веришь – ищи его. Сама ищи! – Грэг уже успокоился и смотрел на меня мудрым взглядом человека, который знает ответы на все мои вопросы. – Не спрашивай у нас ни разрешения, ни совета. Мы все равно не дадим тебе ни того, ни другого».

Я хотела сказать ему, что была уверена в том, что он не станет отговаривать меня от моего намерения, но тут дверь в палату распахнулась настежь и на пороге появился запыхавшийся Игорек.

– Вот ты где! – сказал он и покосился на Григория Абрамовича. – Здравствуйте, Григорий Абрамович... А мы с ног сбились – тебя разыскиваем. Срочно вылетаем, самолет уже ждет в аэропорту.

– Что случилось-то? – спросила я, поправляя одеяло на груди Григория Абрамовича.

– «Ан-24» нырнул в Каспий! – выпалил Игорек. – На борту – двадцать человек. Воздуха у них часов на пятнадцать. Но это лишь в том случае, если корпус самолета не получил серьезных повреждений и в салоне вообще остался воздух... Нашу группу включили в число спасателей. Только что пришел факс из Центроспаса.

Я поняла, что счет пошел на минуты.

– Извините, Григорий Абрамович, – сказала я уже от дверей. – Сами видите. Работа есть работа. Спасибо за разговор...

Игорек посмотрел на меня диковато и вышел вслед за мной из палаты.

– Да! Еще тебе генерал Чугунков из Москвы звонил! – сообщил он моей спине, еле поспевая за мной по больничному коридору.

– Что сказал? – насторожилась я.

– Свидание тебе назначил, – съехидничал Игорек. – Сказал, через три часа встречается с тобой на борту спасательного судна «Посейдон».

– Передать мне больше ничего не просил? – спросила на всякий случай, хотя была уверена, что Чугунков ни словом не обмолвится по телефону о том, что занимает сейчас мои мысли.

– Не-ет... – протянул Игорек растерянно и в то же время подозрительно. – Он меня в ваши контрразведочные секреты не посвящал.

– Они такие же мои, как и ваши с Кавээном, – огрызнулась я в ответ.

Мы выбежали из больничного корпуса и буквально наткнулись на красно-синий спасательский «уазик», за рулем которого постукивал от нетерпения пальцами по рулевому колесу Кавээн. Едва мы с Игорем ввалились в машину, как «уазик» рванулся с места и буквально полетел по улице. Кавээн водил машину мастерски, в молодости он был автогонщиком и даже участвовал однажды в ралли Париж – Дакар в составе команды Минского автозавода, выступавшей на «БелАЗах». Первого места они тогда не взяли, но «откатались очень даже неплохо», по выражению Кавээна.

Он вырулил на один из проложенных по всему Тарасову спецмаршрутов, согласованных с ГИБДД, включил сирену с мигалкой, что-то там переключил, на что-то нажал, и «уазик», который и без того летел как стрела, понес, как пуля. Казалось, мы просто перепрыгиваем через машины, которые Кавээн обгонял. Милиционеры провожали нас плотоядными, но разочарованными взглядами.

Через четыре минуты мы бежали по летному полю к «ЯК-42», мотор которого уже работал, оглушая нас закладывающим уши ревом.

Через час с небольшим мы пролетели над устьем Волги и я увидела странную картину: река разделилась вдруг на множество маленьких речек, переплетающихся между собой, как кровеносные сосуды...

Еще через сорок минут мы уже ехали из аэропорта Красноводска на берег Каспия, чтобы прыгнуть в катер и помчаться к месту катастрофы.

В красноводском аэропорту нас встретил молодой лейтенантик-туркмен и передал мне пакет с приказами и прочими документами по катастрофе. Пока мы плыли по Каспию к месту падения самолета, я пробежала глазами все самое необходимое: координаты, глубина, метеорологический прогноз, гидрогеологическая и сейсмологическая обстановка в районе падения, предполагаемая причина катастрофы и установленное к этому часу число жертв...

Вдруг мой взгляд буквально споткнулся на одной фамилии в списке пассажиров, который в тот момент я держала в руках.

– Игорь! Дядя Саша! – крикнула я, отвлекая их от увлекательного занятия – они пытались разглядеть впереди «Посейдон», хотя до него было еще миль десять. – Идите сюда! Вам знакома фамилия Менделеев?

– Химик! – лаконично ответил Кавээн.

– Командир, издеваешься? – обиделся Игорек. – Кому она не знакома?

– Нет, ребята! – замотала я головой. – Я не про Дмитрия Ивановича спрашиваю. Вам знаком Николай Яковлевич Менделеев?

Игорек покачал головой:

– Лично я с ним, конечно, не знаком. Но человек в МЧС известный.

– Я с ним водку пил! – выпалил вдруг Кавээн. – Один раз. Когда он к Абрамычу на юбилей приезжал. Ничего, мужик крепкий.

– Тем лучше, – сказала я. – Тогда ответьте мне, кто это? А то я что-то засомневалась. Я в такие совпадения не верю.

– Как это кто? – удивился Игорек. – Руководитель спасательной службы Западноевропейского региона, заслуженный спасатель России, Первый Спасатель, после министра – второе лицо в МЧС.

– Григорий Абрамович называл его Никола Питерский, – сообщил Кавээн.

– Все это так, – сказала я. – Но в данный момент этот ваш Никола Питерский – пассажир того самого «Ан-24», что лежит сейчас на глубине тридцати метров на дне Каспийского моря...

Игорь присвистнул.

– Ни фига себе! – сказал он. – Кого нам выручать придется...

– Не свисти! – прикрикнул на него Кавээн. – Зарплату не дадут!

– Как же он в этом самолете-то оказался? – удивился Игорь.

– А нам не все равно, как? – возразил Кавээн. – Мы теперь спасать его будем, как и всех остальных, вот все дела.

– Официально он в отпуске, – сообщила я то, что узнала из списка пассажиров. – Летел в Красноводск из Питера на рейсовом самолете. С какой целью летел – не указано. Как частное лицо... Вообще – информации по катастрофе очень мало. Ясно одно – что не долетел совсем немного, километров пятьдесят.

Я посмотрела на двух своих подчиненных – весь личный состав нашей группы – и сказала:

– Можете считать это вводным инструктажем перед прибытием на место. Мне осталось сообщить вам очень немного. Место падения самолета на расстоянии примерно пятидесяти километров к юго-юго-западу от Красноводска в точке с координатами 39 градусов 40 минут северной широты и 52 градуса восточной долготы. Причина катастрофы неизвестна, диспетчер зарегистрировал мат в эфире, после чего самолет пропал с экрана локатора. Посланные на место его исчезновения самолеты аэроразведки провели аэрофотосъемку предполагаемого места катастрофы, и на снимках он был обнаружен в указанной точке. Глубина моря в этом районе – от двадцати до двухсот метров. Самолет лежит на глубине тридцати метров на склоне подводной впадины. Над местом катастрофы сейчас стоят три спасательных судна. Мы будем работать на «Посейдоне». Сейчас монтируется аппарат для спуска спасателей к самолету.

– Как погода? – спросил Кавээн.

– Прогноз ненадежный, – ответила я. – Ветер северный, на море – среднее волнение, штормового предупреждения не передавали. Сейсмическая обстановка – устойчивая, толчков, даже отдаленных, не наблюдается. О жертвах не сообщается, возможно – все двадцать пассажиров погибли вместе с экипажем. Водолазы еще не спускались, и информации о самолете нет никакой.

Отряд мой молчал. А что говорить? Нужно своими глазами взглянуть на место катастрофы. Хотя что там смотреть – такие же волны, как и здесь, за бортом нашего катера. И пустынное море вокруг. Только три спасательских судна над невидимым под водой самолетом. Вот и все, что мы сможем увидеть на месте катастрофы.

Нет, нужно вниз спуститься, тогда хоть что-то прояснится, и только тогда мы сможем решить, успеем спасти людей, попавших в беду, или нет... Если, например, уклон дна там, где лежит самолет, большой, на наших попытках вызволить их можно поставить крест. Малейший толчок приведет к тому, что самолет соскользнет вниз, еще глубже, а при этом может еще и на отдельные части развалиться. Тогда все – конец!

Конечно, даже тогда мы будем пытаться их спасти. Но – уже без особой надежды, что кто-нибудь остался там живой...

Я так задумалась, что не сразу обратила внимание, что Игорек с дядей Сашей Кавээном сидят, уставившись в одну точку, и что-то сосредоточенно и удивленно рассматривают впереди...

– Что вы там увидели, Игорь? – спросила я и лишь потом посмотрела туда же, куда и они...

Признаюсь, что увиденное мной меня тоже поразило. Прямо на нашем пути по воде, словно посуху, двигался... железнодорожный состав! Было от чего остолбенеть. Не сразу я рассмотрела, что вагоны стоят парами и что впереди этих столь непривычных на море сугубо сухопутных транспортных средств идут два небольших спаренных катера-буксира. Они тащили несколько сцепленных между собою барж, на которых и стояли товарные вагоны.

– Товарняк пошел, – ответил на мой вопрос Игорь. – Интересно, а пассажирские, курьерские и скорые здесь тоже ходят?

Я пожала плечами:

– Нет, Игорь, наверное, только электрички...

Железнодорожный паром прополз поперек нашего пути, и мы неожиданно увидели три корабля, прежде скрытые от нас за вагонами.

– Вот мы и на месте, – сказал Кавээн. – Который тут «Посейдон»?

– Где вас черти носят? – «приветствовал» нас молодой полковник МЧС, командовавший работами на «Посейдоне». – Через час уже члены комиссии здесь будут, а у нас еще информации никакой нет. Что мне им докладывать? Что несколько часов ждал спасательную группу?

– Комиссия посидит и без информации, ничего с ней не случится. Да и с вами тоже, полковник! – резко ответила я, возмущившись тем, что он все поставил с ног на голову. – А вот людям, которые там, под водой, возможно, дышать уже нечем! У вас готов аппарат?

– Минут через сорок будет готов специальный тамбур, который можно герметично присоединить к обшивке самолета... – пробормотал он.

Я посмотрела на него уничтожающе. Вот такие, как этот полковник, «спасатели» разваливают наше МЧС! Его больше всего беспокоит, как он будет выглядеть в глазах прибывающего начальства, а о людях, находящихся в экстремальной ситуации и ждущих его помощи, он и не думает. Вот главная опасность для нас, а вовсе не происки наших противников. Самый страшный враг тот, что внутри нас самих.

– Приготовьте немедленно легкий акваланг! – сказала я полковнику. – Пока вы там будете возиться со своим аппаратом, я сама спущусь к самолету, посмотрю на все своими глазами...

– Вам нечего там делать, капитан! – резко возразил мне полковник. – Мои люди уже спускались на дно и делали рекогносцировку...

– Им удалось выяснить, живы пассажиры или нет? – перебила я.

Полковник покачал головой.

– У них было другое задание, – сказал он. – И они его выполнили. А вам, капитан, не мешало бы помнить о существенной разнице в звании и в должности, которая между нами существует!

Я разозлилась.

«Так ты мне свои погоны будешь в нос совать? – подумала я угрожающе. – Хорошо, полковник, сейчас мы всех по своим местам расставим».

У каждого человека есть какие-нибудь психологические проблемы. Это его наиболее больное и тщательно скрываемое место. Опытному психологу достаточно, однако, внимательного взгляда и нескольких фраз, чтобы в общих чертах установить суть психологической проблемы конкретного человека – они все типичны и в силу того – схожи у разных людей. Вот дальше начинается уже сфера индивидуального – у каждого конкретного человека одна и та же проблема развивается по-разному, в зависимости от частностей его жизни. Но мне и не нужно было знать о жизни этого испуганно-нагловатого полковника ничего личного и индивидуального. Он целиком укладывался в общую схему. Я заметила, что, слушая меня, он украдкой пялился на мою грудь.

– Вам, полковник, тоже не мешало бы помнить, что вы взрослый и полностью свободный в своих поступках человек, – сказала я, подходя к нему вплотную. – Перестаньте думать о том, что и мама, и начальство очень далеко от вас на берегу и вам не у кого спросить, что делать дальше... Здесь начальник вы, и вы должны принимать решение самостоятельно, как бы страшно для вас это ни было.

Я понизила голос и перешла на громкий шепот, слышный только мне и ему, поскольку остальное касалось только нас двоих и я вовсе не хотела, чтобы Игорек и Кавээн слышали мои слова.

– И прекратите наконец грезить, как приятно и спокойно было бы уткнуться в мои груди и заснуть на них. Женская грудь предназначена для мужчин, а не для мальчиков!

Полковник покраснел и плотно сжал тонкие мальчишеские губы. Он явно хотел что-то мне ответить, но легкое покачивание палубы под ногами напоминало о том, что под ногами у нас не твердая и надежная почва, а колеблющаяся поверхность воды, скрывающая под собой неясные опасности и неизведанные глубины.

Неважно, что судовой эхолот показывал всего тридцать метров глубины, – чувственное восприятие всегда берет верх над логикой и здравым смыслом, особенно в таких неустоявшихся зависимых натурах, как этот еще не вышедший из младенческого возраста полковник. Поверхность воды он скорее всего воспринимал как бездну под ногами, а самостоятельность была для него столь же пугающей бездной.

Он оторвал наконец глаза от складок комбинезона на моей груди и посмотрел мне в глаза. – Делайте, что хотите, – и, быстро повернувшись, ушел к себе в рубку.

Я вздохнула, с горечью убедившись в верности своего мгновенного диагноза. Я была бы рада ошибиться в своих представлениях об этом человеке, но, к сожалению, он был именно тем, кем был, – типичным представителем современных мужчин – слабых и целиком переложивших на плечи женщин всю ответственность за устройство нашей общей жизни. Такие, по моему, сами не вполне уверены, что они – мужчины. А обилие голубого оттенка в современных сексуальных отношениях лишь утверждает меня в этом предположении.

Игорек сказал мне негромко на ухо:

– Здорово ты его отшила! Интересно, что ты ему там шептала?

– Игорь! Ты не хочешь покраснеть так же, как он? – спросила я Игорька, который постоянно пытался научиться моим профессиональным приемам. – Тогда не спрашивай о том, чего я не стремлюсь рассказывать сама. Давай-ка, быстро готовь акваланги. Спустишься со мной к самолету.

Вода в Каспийском море была не настолько теплой, чтобы получить удовольствие от купания пасмурным днем ранней осени. Поэтому мы облачились в тонкие шерстяные костюмы, натянув поверх них комбинезоны из прорезиненной ткани.

Кавээн проверил наши аппараты, убедился, что баллоны с дыхательной смесью полностью заправлены, и помог нам надеть их.

Мы спустились на специальную площадку для погружений у самой воды и прополоскали водой маски, чтоб стекла не запотели. Я помахала Кавээну рукой и спиной плюхнулась в воду.

Меня поразил контраст в ощущениях, которые я по привычке сразу же стала анализировать. Волнующаяся от довольно заметного ветра поверхность моря сменилась тишиной и спокойствием подводного мира. Только колеблющаяся над головой серебристая поверхность воды напоминала, что где-то существуют волны и ветер.

Я задрала голову и увидела фигуру Игорька, в туче серебристых воздушных пузырьков ввалившегося сквозь поблескивающую перламутром крышу. Он принялся выделять руками и ногами бестолковые движения, привыкая к управлению своим телом под водой.

Я просигналила ему рукой – спускаемся, мол, вниз, к самолету, и мы, зашевелив ластами, повернулись головами к лежащей на дне цели нашего погружения.

Вдруг беспокойная мысль об акулах, гигантских осьминогах, электрических скатах и прочих морских чудищах пришла мне в голову. Я оглянулась по сторонам, но ничего, кроме сгущающейся метрах в тридцати от нас сероватой мглы, не увидела.

Какие-то рыбешки, очень похожие на обычных селёдок, шныряли вокруг нас и вели себя совершенно спокойно. Глядя на них, я тоже успокоилась, к тому же даже вспомнила, что в Каспийском море ни акулы, ни осьминоги не водятся. Даже если это и не так, я быстро себя в этом убедила, чтобы не отвлекаться на всякие не относящиеся к работе страхи.

Дно сливалось в сплошную темную поверхность под ними, и только более темная часть этой поверхности позволяла догадаться, что там склон подводного обрыва и большая глубина.

Оставленный водолазами с «Посейдона» фонарь-маячок на якоре-аккумуляторе подсказывал нам с Игорьком место расположения самолета.

Постепенно глаза начали различать огромную светлую сигару, боком лежащую на склоне дна. Одно крыло самолета вонзилось в ил и удерживало его от сползания с обрыва. Это была несомненная удача. Но глубоко ли оно вонзилось и прочно ли удерживает корпус самолета? Никто не мог ответить на эти вопросы.

Мы с Игорем опустили прямо к фонарю, прикрепленному к торчащей кверху хвостовой части самолета. Я помахала рукой, объясняя, что пойду вдоль правого борта самолета, а он должен идти вдоль левого. Игорек закивал головой – понял, мол.

Осторожно перебирая по поверхности самолета руками, я двинулась вдоль фюзеляжа, стараясь держаться ближе к иллюминаторам, почти прижатым к склону дна. Как только стало возможным, я попыталась заглянуть внутрь, но ничего, кроме своего отражения на черном фоне за стеклом, не увидела. Только тишина и неподвижность.

Я пробралась к двери и попыталась ее открыть, зная, впрочем, что без специальных инструментов сделать это совершенно невозможно. Когда я толкала дверь, мне показалось, что корпус самолета слегка качнулся, и я в испуге застыла. Я прекрасно понимала, что одной мне не под силу сдвинуть самолет даже из точки неустойчивого равновесия, но тем не менее больше не решилась искушать судьбу. Вдруг мой слабый толчок станет той последней каплей, которая свалит самолет в пропасть?

Иллюминаторы в носовой части упирались в заиленный склон дна, и мне ничего не оставалось, как сделать попытку добраться до кабины пилотов, наполовину скрытой за огромной грудой ила, которую самолет выпал из своим носом из дна при падении.

Первое, что я обнаружила, добравшись до носовой части, – разбитый фонарь кабины, полностью залитый водой. Это была плохая новость, хотя и наивно было бы ожидать, что самолет сохранит герметичность при падении в воду и ударе о дно, но я все же надеялась. Теперь оставалось надеяться только на то, что хвостовая часть осталась неразрушенной и воздух, скопившийся в ней, позволит людям продержаться хотя бы несколько часов, за которые мы должны успеть до них добраться и спасти.

Я напряженно вглядывалась в глубь пилотской кабины и вдруг увидела лицо человека, прижатое к стеклу. Глаза эти были широко раскрыты и в них явственно читались страх и боль. Рот тоже был открыт – то ли в крике, то ли в последней попытке вздохнуть. Я не могла оторвать от него взгляда.

В профессии психолога есть свои недостатки, или, если хотите, «издержки производства», как выражался преподаватель общей психологии университета, в котором я училась. Главный из этих недостатков – я всегда представляю психическое состояние человека, которого вижу перед собой. Сейчас передо мной был труп человека, умершего мучительной смертью, и я читала в его глазах все, что он пережил в последние мгновения своей жизни.

Волна ужаса, паники и страстного желания вырваться из-под воды на воздух мгновенно охватила меня, но я не могла сдвинуться с места, не в силах оторвать глаз от взгляда мертвого пилота.

Чья-то рука легла мне на плечо, и в ужасе я рванулась кверху, на воздух, на свободу из этой сдавливающей мою грудь воды...

Резкий удар головой о выступающий козырек кабины привел меня в себя. Перед глазами пошли красные круги, но страх и паника испарились.

Я огляделась и увидела Игорьку, дергавшего меня за руку и в тревоге заглядывающего мне в лицо.

«Я в порядке! – показала ему жестами. – Один мертвый в кабине пилотов».

«Я не нашел никаких следов того, что пассажиры живы», – ответил мне Игорь.

«Так они все погибли, что ли?» – спросила я.

«Не знаю! Может быть! Не уверен», – пожал плечами Игорек.

«Если кто-то остался жив, то только в хвостовой части, – показала я Игорю на торчащий вверху над нами хвост самолета. – Пошли туда».

Мы перебрались к хвостовым иллюминаторам.

Внутри салона самолета было по-прежнему темно и безжизненно. Как мы ни заглядывали в иллюминаторы, ничего рассмотреть нам не удалось.

Я отцепила с пояса нож с тяжелой металлической ручкой и начала осторожно стучать по обшивке рядом со стеклом иллюминатора.

«Ответьте, кто жив! – выстукивала я азбукой Морзе букву за буквой. – Стучите по корпусу самолета! Ответьте, кто жив!»

Передав свою просьбу три раза подряд, я замерла, приложив ладони к обшивке самолета. Игорек застыл рядом в таком же напряженном ожидании.

Я ждала целую минуту. Ни малейшего колебания мои ладони не почувствовали.

Горькое чувство разочарования начало наполнять меня – я была уверена почему-то, что хоть кто-то из пассажиров останется жив и его удастся спасти.

И вот – молчание в ответ!

Ничего не поделаешь, видно, придется вытаскивать из самолета только тела погибших. В любом случае мы сделаем это, жив кто-то из них или нет. Все будут подняты на поверхность. Уважение к живым начинается с уважения к мертвым. Или по-другому, так, как эта мысль звучит в неписаном Кодексе Первых Спасателей: «Уважай брненное тело – оно носитель бессмертной души!»

«Все, ребята, – подумала я, обращаясь к еще живым для меня пассажирам самолета. – Даю вам последний шанс! Слушаю еще минуту. После чего мы с Игорьком поднимаемся с печальными для всех известиями».

Я передала свой призыв к пассажирам самолета еще три раза и прождала еще секунд сорок. И вдруг чуть не подпрыгнула от радости, хотя и не представляю себе, как можно подпрыгнуть под водой.

Мои ладони явственно ощутили слабый ответный стук. Я возбужденно махнула Игорьку рукой:

«Слушай!»

Он тоже приложил ухо к обшивке. Слабый ритмичный стук прозвучал для моих ушей слаще любой райской музыки. Я знала, что они живы! Мы спасем их! Нужно только узнать, как они и сколько еще могут продержаться.

Я попыталась сформулировать все это в одной короткой фразе, но тут начала понимать, что мне тоже отвечают азбукой Морзе, просто слышно плохо и некоторые буквы выпадают из слов...

«В результате взрыва в носовой части... пятнадцать человек. Трое погибших. Самостоятельно... не сможем. Двери заклинило. Есть раненые. Торопитесь, воздуха осталось на... часа...»

Не сговариваясь, мы с Игорем рванули к поверхности. Сколько воздуха осталось в салоне самолета? На полчаса? На полтора часа? Или на два-три часа? Мы должны исходить из самого худшего варианта, из расчета, что воздуха у пассажиров осталось всего на полчаса. А полчаса – слишком маленький срок, чтобы успеть вытащить из самолета, лежащего на дне моря, пятнадцать человек.

Глава вторая

Когда я вынырнула рядом с темным пятном корпуса «Посейдона», я буквально не узнала того моря, которое я видела только что, перед погружением. Вокруг значительно потемнело, серые клочковатые облака, застилавшие небо сплошной пеленой, сбились в кучки, потемнели и мчались над водой с устрашающей скоростью. Волнение на море увеличилось, пена забивала лицо и мешала как следует рассмотреть, что происходит над поверхностью.

«Черт! Ветер поднялся! – подумала я, раздраженно ругнув метеорологов, будто они были виноваты в том, что ветер усилился. – Этого только не хватало. Через полчаса высотный ветер спустится вниз, и тогда здесь начнется такое веселое представление, что лучше на поверхность вообще не соваться».

Рядом со мной вынырнул Игорек и тоже принялся озиаться на темное небо и мчащиеся по нему облака. С «Посейдона» увидели, что мы вынырнули, что-то закричали и замахали нам руками.

Я подплыла к площадке для погружений, которая то выныривала из воды на метр-полтора над моей головой, то погружалась в такт бортовой качке судна. Главное – не сунуться под нее, когда она начнет опускаться, – запросто можно себе что-нибудь сломать или проломить голову. Я выждала момент, когда стальная площадка опустилась вниз и коснулась воды, и ухватилась за поручень.

Меня поволокло вниз, под воду, я вновь нырнула вместе с поручнем, но из рук его не выпустила. Через пару секунд движение замедлилось и меня так же неудержимо поволокло вверх. Вместе с площадкой я выскочила наверх, с меня полетели брызги и струи воды. Нужно было торопиться, если я не хотела нырнуть еще раз.

Чья-то твердая и очень уверенная рука подхватила меня и выдернула вверх с начавшей уже следующее погружение площадки.

– Зазевалась, капитан Николаева! – крикнул мне в ухо знакомый голос, перекрикивая шум ветра и грохот волн. – Или купаться понравилось?

«Чугунков! – обрадовалась я, но тут же поникла: – Сейчас он меня спросит, намерена ли я выполнять его запрет на разработку агента ФСБ. Что я ему отвечу?.. Впрочем, сначала – люди, которые ждут нашей помощи. Все остальное – потом!»

– Там, – я показала рукой на волны с белыми гребешками пены, – спокойнее, чем здесь.

Я только что поднялась с места катастрофы на поверхность и самой ситуацией была поставлена в центр внимания. И Чугунков, и полковник, руководящий работами на «Посейдоне», и вообще все остальные ждали моего доклада о результатах погружения.

Кавээн помог мне снять акваланг, и, не снимая комбинезона, я прошла в кают-компанию, потому что на воздухе разговаривать можно было, только крича друг другу на ухо, если, конечно, такой способ общения можно назвать словом «разговаривать».

– Садись, Николаева, – приказал мне Чугунков. Как старший по званию, он мог распоряжаться ситуацией. – И рассказывай – что видела? Люди живы?

Я кивнула, принимая из рук Кавээна огромную чашку чая и делая большой глоток обжигающе горячего и до терпкости крепкого напитка.

– Нам удалось установить контакт с пассажирами самолета и принять от них сообщение, – сказала я, обращаясь к Чугункову. – Кто из них передал сообщение, выяснить не удалось. На борту самолета остались в живых пятнадцать человек. Самостоятельно выбраться они не смогут, двери заклинило в результате ударов о воду и дно. Трое погибли, местонахождение еще двоих установить не удалось, есть предположение, что один из пропавших – пилот, труп которого мы обнаружили в командной рубке. По сообщению пассажиров, воздуха у них осталось немного. Минимум – на полчаса, хотя сообщение не удалось принять полностью.

Чугунков тут же поднялся.

– Полковник Свиридов, немедленно начинайте спуск тамбур-трапа для эвакуации пассажиров, – сказал он. – Сколько человек вы можете поднять за один раз?

– Шестерых, – ответил Свиридов, вытянувшись по стойке «смирно», чем вызвал едва заметную усмешку генерала Чугункова. – Разрешите идти?

– Идите! – раздраженно ответил Чугунков и добавил ему в спину: – И не забудьте проследить, чтобы спасатели взяли кислородные баллоны для тех, кто останется в самолете. Когда вы будете присоединять свой тамбур-трап, из салона могут выйти остатки воздуха...

– Так точно, господин генерал! – Свиридов чуть каблуками не шелкнул, стремясь показать, что он все помнит и сделает все правильно. – Разрешите идти?

– Да идите, черт вас возьми! – уже не скрывая раздражения, заорал Чугунков и вновь всем корпусом повернулся ко мне.

– Менделеев жив или он среди тех трех погибших? – спросил он.

– Не знаю, – ответила я. – Акустический контакт с салоном самолета был очень слабым, неустойчивым. А времени – в обрез. Мы не имели права задерживаться, чтобы выяснять это.

– Конечно, – сказал, тяжело вздохнув, Чугунков. – Вы поступили правильно...

– Константин Иванович, – сказала я, увидев, что мы остались в кают-компании одни. – Я не все сообщила из того, что передали с самолета.

Чугунков внимательно посмотрел на меня.

– Ну, что еще там стряслось? – спросил он напряженным голосом.

– Причиной катастрофы послужил взрыв в носовом отсеке самолета, – ответила я. – Однако, насколько я знаю теорию авиационных катастроф, в носовой части просто нечему взрываться...

– Кроме взрывных устройств, – перебил меня Чугунков. – Ладно. Об этом мы с тобой пока даже рассуждать не можем. Придется ждать, когда поднимут пассажиров. Гадание на кофейной гуще – не наш метод.

Чугунков замолчал. Мы оба молча сидели за столом и пили – я чай, он – кофе. Чашки приходилось держать в руках, потому что бортовая качка усилилась и на столе чашка просто не удержалась бы.

Молчание не успокаивало, а скорее наоборот – раздражало меня.

«Ну, что ты молчишь? – молча обращалась я к Чугункову, изредка отрывая взгляд от своего стремящегося выплеснуться из чашки чая и поглядывая на генерала. – За друга своего переживаешь? Ну так отдал бы приказ этому Свиридову, чтобы тот в нарушение всех наших неписаных законов первым поднял на борт твоего Менделеева. Свиридов обязательно так и сделал бы – он, судя по всему, обожает лизать задницы начальству... Интересно мне, генерал, заглянуть в твою черепушку, о чем ты сейчас думаешь?»

Чугунков словно прочитал мои мысли.

– Радиостанция «Эхо Москвы» о падении самолета сообщила через десять минут после того, как все случилось, – вдруг сказал он мне. – На пять минут раньше, чем об этом узнал я...

Я поставила чашку с недопитым чаем на стол. Кают-компания в очередной раз качнулась вместе со всем «Посейдоном», чашка съехала со стола и разбилась. Я посмотрела на осколки и спросила Чугункова:

– Почему вы сообщаете об этом мне, Константин Иванович?

Он посмотрел на меня тяжелым взглядом и сказал то, чего я никак не ожидала:

– Я думаю, если Николай Яковлевич Менделеев находился на борту этого самолета, когда произошел взрыв, ты, наверное, со спокойной совестью можешь исключить его из списка подозреваемых.

– О чем вы, Константин Иванович? – решила все же на всякий случай уточнить я, хотя прекрасно поняла, что он имеет в виду.

Он посмотрел на меня, усмехнулся:

– Даже если ты пообещаешь, что забудешь о том тайном агенте, который якобы работает среди нашего руководства, я тебе не поверю... Мы проверили канал, по которому информация о падении самолета попала на «Эхо Москвы». Угадай, на кого мы вышли?

– На человека, связанного с ФСБ? – спросила я.

Он покачал головой:

– Вовсе нет. Это было бы слишком просто, и легко можно было бы справиться со сложившейся ситуацией. Вышли на маленького, незаметного человека из предвыборного политического объединения, в которое входит около десятка политических партий и общественных движений. Маленький клерк, который ни за что не отвечает и ничего не знает, я в этом уверен. Его просто использовали как передаточное звено, чтобы сбить нас со следа. И мы пока не сможем узнать, чьих рук дело эта катастрофа. Никаких доказательств у нас нет. Нет даже информации, над которой можно было бы размышлять.

Чугунков ударил себя кулаком по колену.

– И еще – я начинаю тебе верить, – сказал он. – Кто-то из наших передает им информацию. Таковую, о которой знает весьма ограниченный круг людей. Буквально – несколько человек...

– Это не может быть совпадением? – спросила я.

– Менделеев летел в Красноводск не в отпуск, – сказал Чугунков тихо и довольно туманно. – Он вообще не в Красноводск летел. Он должен был встретиться в Ашхабаде с министром МЧС Туркменистана, чтобы обсудить перспективы сотрудничества на южных границах бывшего Союза. Об этом, кроме нашего министра, знали только четыре человека. А теперь выходит, что об этом знали не только мы...

«Сам Менделеев, Чугунков, – тут же прикинула я, – кто же еще двое? Ах да – главбух министерства Елена Вениаминовна Крупнова, мне о ней Грэг говорил... И сам Григорий Абрамович? Но он уже почти месяц в больнице! Выходит, этот визит Менделеева в Туркмению был запланирован еще больше месяца назад? Что они там, интересно, затеяли? У них идет какая-то крупная игра, о которой Чугунков, конечно, ничего мне не скажет... Но, похоже, он наконец поверил, что их кто-то постоянно подставляет. Причем кто-то именно из этой первой пятерки. Но кто? На любого подумать трудно! И в то же время – можно».

– Я знаю, что у тебя творится сейчас в голове, – сказал Чугунков. – Можешь подозревать любого из нас. Я скажу только о себе, хотя мои слова нельзя, конечно, расценивать как доказательство, – я не связан ни с какой организацией, враждебно настроенной к МЧС. За остальных не ручаюсь...

Я видела, с каким трудом дались эти слова Константину Ивановичу. Ведь минуту назад он советовал мне исключить из числа подозреваемых Менделеева. Но он прав – дай ему волю, он исключит из него всех пятерых. А агент так и будет продолжать свою предательскую работу, направленную на развал МЧС.

– Почему вы решили поручить это дело мне? – спросила я Чугункова, хотя уже почти знала ответ.

– Потому, что я сам не могу этим заниматься, – ответил он с неожиданной для его сурового и даже порою мрачного лица тоской. – Я не могу подозревать никого из них. И доверить это дело не могу никому. Кроме тебя. Потому что тебя я знаю, это раз. Григорий за тебя поручился – это два. И с тебя, с твоего сообщения об этом агенте все началось – это три...

Генерал вздохнул, посмотрел на часы и встал.

– Ну все, – сказал он решительно, – время! Минут через пять должны поднять первую группу пассажиров. Пойдем на палубу... Если, конечно, все идет по плану, – добавил он, обернувшись в дверях. – И никаких взрывов больше не будет...

– Типун вам на язык, Григорий Иванович! – воскликнула я, выбежав вслед за ним на палубу.

В лицо ударил порыв ветра, и я схватилась за плечо Чугункова, вцепившегося в бортовое ограждение. Он обернулся и крикнул, улыбаясь:

– Держись, Николаева! А то тебя еще придется вылавливать!..

Он показал на внушительные в своей тупой устремленности волны, настойчиво бухающие в борт «Посейдона». Я представила себя в этом кипящем движении воды и зябко повела плечами. Нет, уж лучше спуститься пониже – под поверхность, где нет ни ветра, ни мотающих тебя из стороны в сторону мечущихся между трех «спасателей» волн беспокойного Каспия.

К нам подскочил полковник Свиридов и, бросив на меня уничтожающий взгляд, прокричал:

– Сняли шесть человек. Аппарат идет к поверхности. Поднимут через две минуты. Кислородные подушки переданы в салон самолета.

– Сколько рейсов потребуется, чтобы снять всех? – спросил Чугунков.

– Три, – ответил Свиридов. – Третьим рейсом заберем и умерших. Пока мы выгружаемся, начал спуск такой же аппарат, с «Нереиды», третий рейс опять нам придется сделать...

– Я не понял – что значит «придется»? – крикнул ему Чугунков.

Свиридов отвернулся, будто от порыва ветра, но я прекрасно поняла, что он пытается скрыть, как покраснел от стыда.

– Я имел в виду, что второй рейс мы сделать не успеем, нам достанется только третий, – принялся он объяснять, перекрикивая свист ветра.

Чугунков не стал слушать его объяснений.

– Ну так выражайтесь яснее! – крикнул генерал, перебивая Свиридова. – Чтобы я с первого раза понимал вас правильно!

– Так точно, товарищ генерал! – выпалил Свиридов. – Разрешите идти?

Чугунков только рукой на него махнул, не глядя, – проваливай, мол!

Над поверхностью воды метрах в тридцати от «Посейдона» показалось странное сооружение неправильной формы, которое тут же отчаянно закачалось на волнах, так как центр его тяжести находился довольно высоко, отчего сооружение постоянно грозило опрокинуться вверх дном.

Представляю, что сейчас творилось там внутри! Люди в этом аппарате колотились о стены и друг о друга, словно мячики, – разбивая лбы и носы друг другу. Небольшим краном аппарат подтянули к борту «Посейдона» и подняли над поверхностью воды.

Ветер раскачивал аппарат и не давал опустить его на палубу, грозя разнести в щепы палубные надстройки. Наконец, когда порывы ветра немного утихли, аппарат удалось поставить на палубу, и команда «Посейдона» тут же принялась закреплять его, чтобы он не опрокинулся от ветра.

Измученных пассажиров самолета по одному вытаскивали из аппарата и вели по каютам. Сами они шли с трудом – сил не хватало сопротивляться порывам ветра, набросившегося на нас с новой силой, словно злобствуя, что позволил людям пересилить стихию.

Среди спасенных было три женщины и трое раненых мужчин, одного из которых пришлось нести – у него оказались сломанными обе ноги. У двух других повреждения были менее серьезными. Люди валялись с ног от усталости и психологической реакции на свое спасение, на то, что их мучения наконец-то закончились. Разговаривать с ними было практически невозможно. Но попытаться все же стоило.

Выбрав бодрее других державшуюся женщину, мы с Чугунковым направились в каюту, куда ее поместили, и увидели закутанную в одеяло матрону лет пятидесяти, смотрящую на нас с вызовом.

Чем вызвали мы ее негодование, я не сразу поняла, но потом мне стало ясно, что она не могла не искать виновника катастрофы, мы же просто оказались первыми, кто попался ей на глаза. Нам и досталось.

Она, прищурившись, строго посмотрела на нас близорукими глазами и заявила низким мелодичным голосом, полным возмущения:

– Имейте в виду – я подам в суд! На тех, кто все это устроил. И вы мне ответите! Вы заплатите за весь этот ужас! Я чуть не умерла от страха, когда самолет начал прыгать по волнам. Я разбила себе лицо, наконец! Мне просто – больно! Вот! Любуйтесь!

Она полностью освободила лицо от одеяла, и я увидела огромный синяк, захвативший добрую половину ее лица. Зрелище было, конечно, малоэстетичное, но я не забывала, что женщина-то осталась жива и отделалась в конечном счете легким испугом. Ну, еще синяком... Другим повезло меньше... Хотя для нее это, не спорю, слабое утешение.

Женщина заплакала и вновь уткнулась в одеяло...

Чугунков кашлянул и сказал:

– Извините. – Он запнулся, но, заглянув в список пассажиров, продолжил: – Тамара Алексеевна. Вас ведь так зовут?

Она закивала головой, не прекращая рыдать.

– Ну вот, видите! – обрадовался Чугунков. – А меня – Константин Иванович!

Женщина перестала рыдать, подняла на него глаза и сказала всхлипывая:

– Очень приятно...

– А уж мне-то как приятно, что нам удалось вас поднять со дна морского! – воскликнул Чугунков. – Вы просто поверить не можете...

– Это такой ужас! Такой ужас! – вновь попыталась причитать женщина, но получилось у нее уже менее трагично, чем сначала.

Я знала, что судовой врач сделал ей укол – что-то из сильнодействующих транквилизаторов – и сейчас это должно было подействовать. Она действительно успокаивалась на глазах.

– Сначала этот взрыв! Потом безобразная драка в салоне, прямо рядом со мной. Эти двое никак не могли свалить огромного такого мужчину, очень высокого роста и, вероятно, очень сильного. Впрочем, это не имеет значения. Когда самолет первый раз ударился о воду, драка тут же прекратилась...

– Постойте, Тамара Алексеевна, – вмешалась я. – Вы сказали, был какой-то взрыв?

– А это, собственно, кто? – спросила она Чугункова, показывая на меня жестом недоумения.

Я чуть было не взъярилась от такой наглости, но вовремя сообразила, что вид-то у меня действительно странноватый – на прорезиненный костюм легкого водолаза я накинула только штормовку, а моя обтянутая резиной голова своим видом вызывала, наверное, мысли о неожиданных контактах с инопланетянами.

«Мне только еще ручные ласты надеть не хватало!» – подумала я.

– А это тот самый капитан спасателей, который первым обнаружил, что пассажиры самолета остались живы, – ответил Чугунков на вопрос обо мне.

– Так это вы стучались к нам в самолет? – обратилась женщина ко мне весьма учтиво, словно спрашивала у соседа, не стучался ли тот минут пятнадцать назад в дверь ее квартиры...

Мне почему-то захотелось ответить небрежно, легко, словно речь шла о приятной прогулке в загородном парке, а не о спуске под воду к попавшему в катастрофу самолету.

И я уже раскрыла рот, чтобы сказать: «Да, знаете ли, хотелось просто заглянуть к вам, узнать, как вы? Все ли в порядке?»

Но тут до меня дошло, в какое смешное положение я попала. И подставил меня Чугунков, это с его ответа обо мне началось формирование ее отношения ко мне. «...Тот самый капитан, который первым обнаружил...» Ну, спасибо большое, Чугунок!

Она же за мужчину меня принимает! Я припомнила свои ассоциации на ее слова, обращенные ко мне, и едва не рассмеялась – я же сама ощущала себя мужчиной. Вот что значит – командовать мужчинами и выполнять мужскую работу. С кем, как говорится в известной русской пословице, поведешься, от того и наберешься. Я имею в виду – мужской психологии наберешься.

Чтобы не продолжать дальше этот дешевый маскарад, я подцепила большими пальцами верх прорезиненного комбинезона и стащила его с головы.

– Ох, простите, милочка! – воскликнула женщина. – Я, кажется...

Она готова была извиниться за то, что приняла меня за мужчину, но тут же сообразила, что вслух об этом она не говорила, стало быть, и не догадался никто. Но начало фразы было уже сказано, а Тамара Алексеевна, судя по всему, была из дамочек интеллигентных и терпеть не могла глупых положений. Теперь она просто вынуждена была закончить свою начатую фразу. И она сообразила, как ей вывернуться из сложной ситуации.

– Я, кажется... – повторила она, – теперь я, кажется, вас узнала! Вы же заглядывали там, под водой, в иллюминаторы самолета!

Я кивнула. Хотя знала, что узнать она меня никак не могла хотя бы потому, что я была в плавательной маске. Да скорее всего – она меня и вообще не видела. Просто Тамара Алексеевна сообразила, что я должна была заглядывать в иллюминаторы.

– Конечно! – сказала я. – Конечно, я заглядывала. Да я и сама вас сразу узнала, Тамара Алексеевна. У вас такая примечательная внешность...

Она сначала заулыбалась, транквилизатор все же затормозил ее реакции, но секунду спустя вспомнила о своем синяке в пол-лица и позеленела от злости. Не сомневаюсь, что услышала бы в свой адрес нечто источающее тонкий женский яд, но тут вмешался Чугунков, решивший взять ситуацию на себя. Во избежание дальнейших боевых действий между двумя женщинами.

– Тамара Алексеевна, – спросил он. – А драка в салоне случилась уже после взрыва или до него? Вы, конечно, хорошо помните это, ведь драка началась, как вы сказали, рядом с вами.

– Что вы, что вы! – устало сказала она, сразу полностью переключившись на мужчину, да еще столь представительного и мужественного, как генерал Чугунков. – Они начали драться у самого прохода к кабине пилота. Этот огромный детина, он хотел ворваться туда и захватить самолет. Но пилот и еще один человек, он пропал потом куда-то, не пускали его. Но пилот был невысок ростом, этот второй – вообще худой, как... как...

Она быстро метнула в меня весьма ядовитый взгляд и продолжила:

– Ну, по крайней мере, похудее вашей бравой капитанши. Так вот... О чем это я? Ах да! А тот в кабину к пилотам хотел прорваться, я уже говорила, огромный такой, их еще шкафами называют... Или как это?... Жлоб! Да! Огромный жлоб! Он в самолете согнувшись ходил, голова не умещалась. Я думала, он этих двоих на части сейчас разорвет! Но нет, худенький который оказался ловким очень. Он закричал как-то по-японски, встал в стойку – прямо как ниндзя из мультфильма, который моя внучка смотрит, и принялся махать ногами. И представляете, этот жлоб, который как шкаф, он отлетел прямо к моему креслу. Я еще наклонилась к нему, помню, и спрашиваю: «Вы не ушиблись?» А он такой грубый, вы себе не представляете! Он мне ответил совершенно по-хамски! Он сказал: «Уйди, тетка, зашибут тебя!» Представляете? Ну, тут я ему все высказала! Все, что я о нем думаю! Он аж покраснел весь и тут же убежал от меня, лишь бы не слушать, что я говорю!

Чугунков воспользовался паузой и, пока она переводила дух, поспешил вставить:

– А что вы, Тамара Алексеевна, думаете о пилоте, который с ним дрался?

– Вы меня, пожалуйста, не перебивайте, дорогой мой! – заявила Тамара Алексеевна. – О пилоте я ничего не думаю, потому что о нем и думать-то нечего! Он выполнял свой долг! Он защищал рулевую кабину от нападения этого злодея, который туда рвался.

– А второй? – успел вставить Чугунков. – Тот, который худой? Он откуда вообще взялся?

Мне было не совсем понятно, почему Константин Иванович ничего не расспрашивает о мужчине высокого роста, который, по утверждению женщины, рвался в кабину управления самолетом. Но я решила не вмешиваться, тем более что у меня отношения со свидетельницей происшествия с самого начала не сложились.

– Худенький? – переспросила Тамара Алексеевна. – Ниоткуда он не взялся. Он, наверное, в салоне самолета сидел, среди других пассажиров. А когда увидел, что на пилота нападают, решил помочь. И он хорошо помог, хорошо, как говорит мой внук, отмудохал этого верзилу.

– Что, простите, он сделал? – не понял Константин Иванович.

– Ну-у, это мой внук так выражается, когда хочет сказать – «сильно побил»... Я думала, так понятнее будет. Он ведь на самом деле так его ногами и норовил все по лицу, по лицу...

– И куда потом девался? – спросил Чугунков. – Вы сказали, он куда-то пропал?

Тамара Алексеевна посмотрела на него растеряннo, словно вспоминала, откуда он взялся.

– Вот куда девался, я сказать не могу... – произнесла она медленно, словно прокручивая в памяти события, происшедшие в самолете. – Вот верзила этот, здоровый-то, он в самолете остался. Он еще с пилотом все выяснял что-то, когда самолет уже на дне оказался...

– Не дрался уже? – хмыкнул Чугунков.

– А вы знаете, – удивилась Тамара Алексеевна, – они помирились! Да-да, я потом видела: они сидели вместе и разговаривали о чем-то интересном – шепотом, но возбужденно.

– А худенького уже не было, когда они помирились? – спросил Чугунков.

– Послушайте, дорогой мой! – воскликнула Тамара Алексеевна, и слова «дорогой мой» прозвучали на этот раз угрожающе. – Что вы привязались ко мне с этим своим худым японцем?

– Позвольте, разве он был похож на японца? – перебил ее Чугунков.

– Да нет же! – досадливо отмахнулась женщина. – Но он махал ногами точь-в-точь как эти японцы из американских фильмов.

– Так он был американцем? – удивился Чугунков. – Что же вы сразу не сказали?

– Так! – объявила женщина решительно, никакие транквилизаторы не могли бороться с ней долго. – Это уже похоже на издевательство!

Она встала и, хватаясь за прикрученную к полу мебель, двинулась на генерала:

– А ну-ка, вон из этой каюты! Я обязательно напишу на вас и вашу капитаншу вашему начальнику, генералу Чугункову! Я уже узнала, что он здесь самый главный! А сейчас – вон отсюда!

Я рассмеялась и открыла дверь каюты. Ветер буквально вырвал ее из моих рук и грохнул о стену корабельной надстройки. Я чуть не вылетела следом за ней, но вовремя отпустила дверную ручку.

Стоять на палубе было можно, но ветер нес с собой столько воды, что одежда мгновенно стала бы мокрой насквозь. Я не раз уже успела порадоваться, что не сняла костюм водолаза и комбинезон, когда мы с Игорьком поднялись на поверхность.

– Что вы все худым мужчиной интересовались? – спросила я Чугункова, который появился рядом со мной и так же крепко ухватился за перила трапа, ведущего на верхнюю палубу. – Это что – и есть тот самый ваш Менделеев из Санкт-Петербурга?

Чугунков удивленно на меня посмотрел, а потом рассмеялся.

– Так ведь Менделеев – это высокий «жлоб»! Я думал, ты сразу это поняла, – крикнул он мне, пересиливая ветер. – Просто этот худой напомнил мне одного знакомого. Да, видно, не он – я просто ошибся... Давай-ка поднимемся на капитанский мостик...

В рулевой рубке «Посейдона» нас встретил капитан судна, он же полковник МЧС Свиридов, и тотчас засуетился, доставая надежно припрятанный термос с кофе.

– Нет, голый кофе гонять не гоже! – заявил Чугунков. – Подождите, я спущусь к себе в каюту, у меня там бутылочка хорошего коньяка имеется – очень старый, «Эверест» называется. Кофе с «Эверестом» – это вообще лучший напиток, который я пробовал за свою жизнь!

И генерал скрылся в мутных, наполненных брызгами воды и пены и грохотом волн по борту и надстройке сумерках за дверью капитанской рубки. Он едва не столкнулся в дверях с помощником капитана, который ввалился в рубку и, отфыркиваясь от воды, ручьем лившей с него, заявил:

– Капитан! Может быть, «Нереида» еще один рейс вниз сделает?

– А в чем дело? – резко спросил Свиридов, наверняка не забывший свою оговорку в разговоре с генералом Чугунковым, выдавшую нежелание лишний раз спускать аппарат с «Посейдона» на дно.

– Старший в группе водолазов, лейтенант Носов, руку сломал – волной его неудачношибануло. Под воду его пускать нельзя. А без старшего группы – не положено. Может, связаться с «Нереидой», посоветоваться с ее капитаном, он не откажется поработать еще...

– Ты что же, предлагаешь нам за чужие спины прятаться? – набросился на него Свиридов, хорошо запомнивший направленное на него раздражение генерала. – Составленный мной план спасательных работ предусматривает повторное погружение аппарата с «Посейдона», а не с «Нереиды»! И работать будем строго по плану! Срочно найти замену Носову! Через пять минут аппарат должен начать погружение.

– Где же я ему замену найду, если один у нас из лейтенантов остался среди водолазов? – возмутился помощник. – Остальных вы сами списали на берег за незнание устава корабельной службы. Наверняка в Красноводске из портового ресторана не вылезают. Устроили людям отпуск, задумались...

– Ты мне делать замечания брось! – закричал на него Свиридов. – Станешь капитаном – тогда болтай все, что хочешь! А сейчас – выполнять мои приказы! И все! Большого от тебя не требуется...

Я не дала помощнику ответить Свиридову и опередила его реплику.

– Я могу пойти с водолазами, – заявила я. – Допуск на погружение у меня есть. Звание – подходит, я – капитан МЧС. А за знание устава корабельной службы я отчитаюсь, как только поднимусь обратно. В этом, я думаю, капитан Свиридов пойдет мне навстречу?

Свиридов сам давно уже понял, что совершил глупость, придравшись к двум лейтенантам-водолазам и оставив их на берегу за незнание устава корабельной службы, который им совершенно не нужен, поскольку они не являлись членами команды «Посейдона». Но хозяином на судне был Свиридов, и оспорить его решение было невозможно... Теперь Свиридов раскаивался в своей глупости хотя бы потому, что лейтенанты в любое время могли пожаловаться на него. Хотя бы вот этому же генералу Чугункову.

– Не возражаю, – коротко бросил Свиридов, мне даже показалось, что он ждал, когда я влезу со своим предложением спуститься еще раз.

– Тогда скорее! – поторопил меня помощник капитана и повел знакомиться с ребятами, с которыми мне предстояло спуститься на дно.

Глава третья

Как нам стало известно, на «Нереиду» подняли еще семь пассажиров. Под водой остались, таким образом, двое. Кто именно, уточнять на «Нереиде» не было времени, но я почему-то ничуть не сомневалась, что одним из них окажется Менделеев.

Тамбур-трап вообще-то предназначен для других глубин, куда доступ легкому водолазу просто закрыт. Здесь его использовали только потому, что на борту самолета оказались раненые и погибшие. К тому же погода испортилась настолько, что стало понятно – начинается шторм. «Посейдон» мотало на двух штормовых якорях, которыми он закрепился над самолетом, и грозило просто перевернуть, так как бортовая качка усилилась настолько, что судно едва не черпало каспийской воды.

Спустить аппарат в воду оказалось серьезной проблемой. Мы все прекрасно понимали, что, едва его освободят от крепежа, которым он намертво был принайтован к палубе «Посейдона», он просто скатится за борт, проломив фальшборт и порвав леера.

К тому же в нем непременно должен находиться один из спасателей – под водой герметичный трап для перехода из самолета в аппарат открывался только изнутри. Это было сделано с расчетом на так называемую «защиту от утопающего» – как ни жестока была идея обезопасить тех, кто внутри, от задыхающихся под водой без воздуха людей, но применить ее оказалось необходимым.

Я помню еще по лекциям, которые читали нам на сборах в лагере спецподготовки, что такая защита была применена в этих аппаратах после нескольких случаев, когда жертвы вскрывали аппарат, не дожидаясь полной герметизации, и в аппарат под огромным давлением врывалась вода, что приводило к гибели и самих спасателей, и тех, кого они пытались спасти от гибели.

Может быть, тогда и родились эти два неписанных правила из Кодекса Первых Спасателей: «Главный враг спасателя – потерпевший» и «Если один мешает спасти многих – не помогай ему». Жестокие, но необходимые правила. Второе из них, если учесть чрезвычайные обстоятельства, в которых приходится работать спасателям, равносильно смертному приговору. Но его нарушение тоже приводит к смерти, только большего числа людей. Вообще Кодекс рождался не из головы, а из конкретных ситуаций на спасательных работах, из смертей и увечьях людей, первыми осваивавших опасные, а часто и смертельные ловушки этой профессии...

Меня закрыли внутри аппарата, а два водолаза – Витя и Станислав – будут сопровождать аппарат снаружи. Я заранее огляделась, пока аппарат снимали с крепежа, за что цепляться, когда меня начнет мотать из стороны в сторону ветром, и от ударов о какие углы беречься.

«Кстати, когда поднимемся на поверхность, – подумала я, – нужно позвонить в Симферополь на завод «Фиолент» конструкторам этого аппарата. Все углы внутри аппарата должны быть закругленными, это же и ребенку ясно...»

В два иллюминатора, расположенные по обеим сторонам аппарата, разглядеть что-либо было трудно, уже надвинулись сумерки и штормовое небо окончательно почернело. Поэтому я и не старалась увидеть, что творится на палубе, ориентируясь теперь лишь на поведение самого аппарата. Я слышала стук ключей по обшивке аппарата, которыми Кавээн с Игорьком откручивали гайки крепежа.

Мы договорились, что они предупредят меня о том, что через пару мгновений я вместе с аппаратом покачусь за борт. Сначала он стал немного вибрировать и дрожать под порывами ветра, затем перешел на небольшие, но очень настойчивые толчки и рывки.

Я уже приготовилась к состоянию невесомости, которое появится на секунду-две во время падения аппарата, и крепко уцепилась за стойки приборов, регистрирующих давление и

температуру воды за бортом, ее химический состав и кучу каких-то параметров, совершенно ненужных для спасательных работ.

Дело в том, что эти аппараты симферопольский НИИ разрабатывал для океанологов, которые оказались не в состоянии оплатить разработку, и их срочно приспособили под спецзаказ МЧС.

Сильный двойной удар ключом по корпусу аппарата – сигнал, который подал мне Кавээн, почти совпал с последовавшим за ним ужасным звуком – то ли скрипом металла по металлу, то ли скрежетом разрывающегося металла. Я чуть не зажала уши ладонями – по металлическому корпусу аппарата звуки проходили внутрь отчетливо и оглушающе громко. Словно дядя Саша стучал по металлической кастрюле, надетой мне на голову.

Я невольно представила, как последний болт, которым аппарат крепился к металлической палубе «Посейдона» и который не успел отвернуть Игорек, вырывается из палубы вместе с лоскутом металла. Как врассыпную от аппарата бросаются все, кто стоял поблизости...

Вероятно, так оно и было, потому что непосредственно вслед за этим выворачивающим наизнанку звуком аппарат дернулся сильнее прежнего и, застыв на мгновение на одном из своих ребер, так что пол у меня под ногами встал под углом в сорок пять градусов, просто прыгнул с палубы «Посейдона», вдавив меня на мгновение спиной в приборную доску.

Я почувствовала, как какая-то чрезмерно длинная и на редкость острая ручка какого-то прибора уперлась мне под правую лопатку и словно вознамерилась проткнуть меня насквозь. Но предпринять я ничего не успела. Сила, с которой меня прижимало к приборной доске, начала быстро ослабевать, пропала совсем, и я ощутила себя легкой и невесомой, но, слава богу, не попыталась воспользоваться этой легкостью и попробовать двигаться по аппарату. Потому что в следующую секунду аппарат ударился о воду и на меня обрушилась та стена аппарата, которая была в этот момент надо мной, вернее сказать, это я на нее обрушилась.

Хорошо еще, что я не выпустила из рук стойки приборов, за которые держалась. Это смягчило удар, но все равно руки мои соскользнули с гладкого и круглого металла, и я плашмя упала на боковую стену аппарата, оказавшуюся в этот момент внизу.

Никогда мне не приходилось заниматься боксом, но теперь я, наверное, могу рассказывать, что испытывает боксер, когда соперник посылает его в нокдаун. На колени я поднялась, но глаза застилал такой туман, а в голове стоял такой оглушительный звон от удара о круглую металлическую раму иллюминатора, что я просто не соображала, что со мной происходит.

А с аппаратом происходила странная вещь. Он вдруг резко прекратил свои рывки и прыжки и начал крениться на одну сторону. Только опасность вновь упасть и приложиться еще сильнее привела меня в себя. Я сообразила, что начал заполняться специальный резервуар, который под водой придает аппарату устойчивость, и сейчас все встанет на свои места в буквальном смысле слова... И в самом деле, аппарат качнулся еще и еще раз, затем плавно перевернулся, и пол оказался там, где и должен быть, – у меня под ногами, а боковая стена, на которую я упала, – справа от меня.

Я бросилась к микрофону проверить, работает ли связь с «Посейдоном».

– Я «Скат-1», – произнесла я позывные, но дальше продолжить не смогла.

– Какого черта, Николаева, ты туда полезла? – услышала я голос, судя по вопросу и сравнительно корректной его формулировке, принадлежащий генералу Чугункову. – Что за самодеятельность!

– Оперативная необходимость, Константин Иванович, – ответила я универсальной формулой, за которую испокон века прятались все спасатели, чтобы прикрыть свои самостоятельность и даже самоуправство.

– Я тебе покажу необходимость, – твердым голосом пообещал мне Константин Иванович. – Вот только поднимись обратно!

– Я подумаю, стоит ли подниматься! – ответила я генералу и выключила микрофон, мне связь пока не нужна, а выслушивать нотации Чугункова – не вижу в этом особого удовольствия...

Легкий стук по корпусу снаружи привлек мое внимание. Я включила внешнее освещение и чуть не отпрыгнула от иллюминатора – в окно аппарата смотрела странная фигура с какой-то узкой и лысой головой и единственным огромным глазом на все лицо.

Какими все же страшными мы можем выглядеть под водой! Оказывается, существует большая разница, когда ты смотришь на одного и того же аквалангиста, сам находясь рядом с ним, и когда он в воде, а ты внутри аппарата и без акваланга и маски... Никогда раньше не предполагала такого. Может, виною тому – электрическое освещение, которое в колышущейся воде искажает изображение?

Кто это был – Виктор или Станислав, мне так и не удалось узнать. Он делал мне какие-то знаки, из которых я поняла только, что он сопровождает аппарат один и связь у него не работает.

Что там у них стряслось, не знаю, возможно, потрепало волнами, когда он погружался вслед за «Скатом». Впрочем, мы могли действовать, и не вступая в контакт друг с другом, – его задачей было только помочь мне точно пришвартовать «Скат» к тамбуру, присоединенному во время первого погружения к одному из иллюминаторов самолета. Остальное я должна делать самостоятельно.

Я включила гидрореактивный мотор и проверила, слушается ли «Скат» рулей. Он послушно покачивался, тормозил и даже пытался перевернуться вверх ногами, когда я заставляла его это делать.

Открыв нижний иллюминатор, я попыталась сориентироваться и без труда обнаружила в темноте небольшую светлую точку – фонарь-маячок, прикрепленный к хвостовым лопастям самолета.

«Прекрасно, – подумала я. – Теперь осталось только пришвартоваться удачно... Где там у нас то ли Витя, то ли Стасик?»

Я вновь включила внешнее освещение и трижды им помигала. Это был условный знак – «К швартовке готова!» В ответ прозвучал двойной удар по корпусу снаружи – «Подходи вплотную». Дальше каждый знал свою партию, как хороший музыкант в оркестре.

Я начала разворот, чтобы зайти с левого борта самолета, куда был присоединен швартовочный тамбур, но вдруг почувствовала, что «Скат» слегка закапризничал и принялся вдруг упрямо своевольничать, самостоятельно увеличивая дугу разворота.

– Это еще что такое! – воскликнула я сердито и чуть не ударила кулаком по приборной панели. – Ты должен меня слушаться!

Я прекрасно помнила, как мы водили такие аппараты на спецпрактике на Черном море и как я выделяла на своем «Коньке-Горбунке» под водой всевозможные кульбиты и фигуры высшего пилотажа, за что меня чуть не отстранили от практики...

Но «Скат» продолжал капризничать, продолжая забирать намного левее, чем я ему приказывала рулями. Я развернулась еще раз и посмотрела в нижний иллюминатор, сама не знаю зачем. Но в голове у меня сама собой складывалась стройная цепочка выводов.

Меня постоянно сносит западнее самолета. Сносить может только течение, которого тут никогда не было, если верить гидродинамическим картам вод восточного побережья Каспия. Значит, это может быть только поверхностное движение массы воды, вызванное сильным ветром. Ветер здесь практически всегда северный. Поверхностную массу воды он увлекает тоже на север. Но склон дна заметно тормозит ее с восточной стороны, и толща воды должна слегка заворачивать к западу.

– Черт возьми! – крикнула я самой себе. – Она же столкнет самолет со склона!

Я поняла, что могу не успеть. Перед глазами уже возникла картина – как самолет начинает шевелиться, слегка сдвигается с места, фонарь-маячок качается у него на хвосте, затем он срывается с места и сначала плавно, потом все убыстряя движение устремляется вниз по склону, поднимая тучи ила и грязи...

Такие картины нужно отгонять от себя, это я знала. Дело не в том, что я верила в какую-нибудь мистику или телепатию с телекинезом. Я знала, что моя мысль или мои представления никак не могли воздействовать на самолет и сдвинуть его с места. Но они могли воздействовать на меня саму, на точность моих движений. И, начав швартовку, я могла слишком сильно толкнуть корпус самолета и сделать так, что картина, которую я воображала, «нарисует» на самом деле.

Я отогнала нежелательную картинку и представила, как точно и надежно пришвартовываюсь к самолету и он остается на месте, а не сползает неизвестно на какую глубину.

Это придало мне уверенности. Еще раз развернувшись и проверив действия рулей управления, я привыкла к сносу на запад и, погрузившись на уровень самолета, пошла на сближение с ним. Я включила передний прожектор и увидела самолет метрах в пятнадцати прямо перед собой. И сразу поняла, что мои худшие опасения могут оправдаться – самолет явно сдвинулся вниз по склону по сравнению с тем положением, в котором я видела его, когда мы ныряли вместе с Игорьком...

Около самолета я заметила аквалангиста. Он держался возле массивного сооружения, торчащего, словно бородавчатый нарост на гладком, поблескивающем в луче прожектора теле самолета. Это было похоже на огромную пиявку, присосавшуюся к громадной рыбе.

То ли Витя, то ли Стасик махал мне рукой, очевидно, поторапливая. Наверное, он тоже понял, что самолет понемногу сползает со склона и что мы можем не успеть спасти застрявших в нем людей.

Метров за семь до самолета я выключила тягу, переложила рули в обратное положение, не отклоняясь от прямолинейного движения ни на сантиметр, и включила двигатель торможения.

Струя воды из него била в сторону самолета и могла подтолкнуть его и сдвинуть с той точки, на которой он закрепился, но ничего другого мне не оставалось – любой другой способ швартовки требовал гораздо больше времени и не давал надежного результата. Вероятность промаха возросла бы в несколько раз, а промах – это толчок по корпусу самолета. Что будет после такого толчка – откуда мне знать. Я хотела действовать без ошибок, используя даже единственный шанс, если он у меня был.

Корпус самолета подошел вплотную к иллюминатору и закрыл собою всю видимость. Аквалангист, имени которого я, к сожалению, так и не успела выяснить, помог мне попасть в захваты точно и с первого раза, в этом, собственно, его задача и заключалась.

Я облегченно вздохнула.

– Ну вот, собственно, и все! – сказала я сама себе. – Карета подана! Осталось открыть двери...

Не успела я договорить эту фразу, как пол аппарата качнулся подо мной и ушел вниз. Я мгновенно схватилась за выручившие уже меня однажды стойки приборов. Еще не понимая, что произошло, я бросилась к ручке пневмосистемы открывания двери и рванула ее на себя.

Что бы ни случилось, я должна попытаться спасти людей, за которыми и спустилась под воду.

Пока шипел, вытесняя воду из переходного тамбура, воздух, я бросила быстрый взгляд в иллюминатор. Странное чувство неподвижности охватило меня.словно на вокзале, когда твой поезд трогается одновременно со стоящим на соседнем пути в ту же сторону. Ты ясно чувствуешь, что вагон движется, а за окном все тот же неподвижный вагон соседнего поезда. Так и сейчас за иллюминатором неподвижно торчал бок самолета, в который уткнулось окно

моего аппарата. Но пол рывками уходил из-под ног, и я понимала, что это движение не обещает ничего хорошего.

«Самолет ползет по склону! – мелькнуло у меня в голове. – У меня есть несколько секунд, чтобы попытаться сделать то, ради чего я здесь! Вероятно, я полностью не погасила скорость, – дошло до меня, – когда «Скат» коснулся тамбура, закрепленного на корпусе самолета. А возможно, самолет сорвался со склона сам, а я в последнюю секунду успела пришвартоваться к тамбуру».

Воздух наконец перестал шипеть, и я рывком распахнула тяжелую, массивную металлическую плиту, служившую дверью аппарата. Узкое и тесное помещение тамбура было мокрым, но воды в нем практически не было. Я забарабанила по второй двери тамбура, ведущей в самолет.

– Эй вы, там! – кричала я, мало, впрочем, надеясь на то, что меня услышит кто-нибудь в самолете. – Быстрее! Самолет падает!

Ухватившись за массивный вентиль запора двери, я с мгновенной радостью ощутила, что он поддается не только благодаря моим усилиям, изнутри тоже кто-то открывает эту дверь. Надежда на то, что нам удастся выбраться, вспыхнула во мне с новой силой. Я еще быстрее начала вращать этот проклятый вентиль.

Сильный удар сбил меня с ног. Я на мгновение потеряла ориентировку, а когда вновь вскочила на ноги, оказалось, что аппарат опять повернулся боковой стенкой вниз и дверь тамбура находится теперь не сбоку от меня, а сверху, у меня над головой.

«Господи! – мелькнуло у меня в мозгу. – Это значит, что корпус самолета над нами! Если мы не справимся за несколько секунд, самолет упадет на дно и раздавит аппарат в лепешку вместе с нами».

Я вцепилась в вентиль и принялась его вращать с такой скоростью, что мне самой стало удивительно – неужели это делаю я, слабая женщина, никогда не отличавшаяся хорошей физической подготовкой.

Не помню точно, что я делала до того мгновения, когда дверь наконец отвалилась, упав прямо на меня и придавив меня собой, а сверху на нее из иллюминатора самолета вывалились двое отчаянно матерящихся мужчин. Вслед за ними в тамбур хлынули потоки воды.

«Все! Теперь нам всем конец! – успела подумать я. – Не успеем!»

Но сильные мужские руки буквально выдернули меня из-под двери, больно разодрав мне ногу какой-то торчащей из нее железякой, и закинули вверх, в «Скат». Я ударилась головой о какой-то очень твердый и острый угол и на мгновение потеряла сознание...

...Очнулась я оттого, что оторвалась от пола и полетела куда-то. Я инстинктивно выставила вперед руки и наткнулась на спину человека, сидящего за пультом управления «Скатом». От моего удара он покачнулся и коротко простонал, но не повернулся, не отрываясь от управления аппаратом.

Я сразу же поняла, что характер движения аппарата изменился. Мы явно уже не падали, а маневрировали то плавно, то рывками.

Мужчина за пультом напряженно смотрел в иллюминатор и резко дергал то один, то другой из рычагов управления. Я проследила за его взглядом и увидела, как луч нашего прожектора скользит по нагромождению камней, заросших какими-то кустарниками очень странной формы, мелькающими прямо перед нами, в каких-нибудь двух-трех метрах.

Я поняла, что ему удалось отстыковать «Скат» на несколько секунд раньше, чем самолет достиг дна. Пусть в последнее мгновение, но все же он успел это сделать! Теперь мы спасены!

– А ты, дурочка, сопротивлялась! – вдруг закричал мужчина. – Это же совсем не страшно!

И засмеялся каким-то нервным смехом, но я против своей воли тоже начала смеяться и тут же услышала еще один голос, который смеялся как-то навзрыд, и больше было похоже, что он плачет, а не смеется. Мне стало окончательно ясно, что главная опасность миновала.

– Мы, кажется, все же выбрались! – сказала я сквозь смех, от которого никак не могла избавиться, хотя и понимала, что смеяться сейчас нам совсем не от чего.

Неизвестно еще, не получил ли наш аппарат серьезных повреждений, которые могут помешать нам выбраться с глубины на поверхность. Причем неизвестно – с какой еще глубины. Чему уж тут смеяться!

– А, очнулась наконец, спасительница! – сказал мужчина за пультом неожиданно низким и грубым голосом и повернулся ко мне.

Я только сейчас рассмотрела его при тусклом свете внутреннего освещения.

Он сидел за пультом управления боком, в странной позе, вытянув правую ногу в сторону и подогнув левую под себя. Правой рукой он изредка касался вытянутой ноги, морщился при этом и начинал ее слегка поглаживать.

«Кажется, у него – травма! – подумала я. – Интересно, кто-нибудь проверял «Скат» перед погружением?»

Мне самой было некогда смотреть, полностью ли укомплектован спускаемый на дно аппарат, я доверилась опыту Кавээна, который готовил меня к спуску. Думаю, что он обязательно должен был посмотреть, в полном ли порядке комплект для оказания скорой медицинской помощи.

– Что у вас с ногой? – спросила я у мужчины за пультом. – Вам нужна помощь?

Мужчина взглянул на меня мрачно и ответил, усмехнувшись:

– Что бывает с ногой, застрявшей между креслами, когда самолет неожиданно переворачивается? Перелом скорее всего... Ну, это не смертельно, скорее – обидно! Болит, собака, от дела отвлекает. Посмотри у себя над головой, что там есть из анальгетиков... Да! Ты сама-то как, в порядке?

Я покрутила головой, которая слегка побаливала от удара, ощупала ее руками – вроде бы цела. Руки и ноги ощущала нормально, могла ими двигать, не испытывая боли.

– Я – в порядке! – ответила и заглянула в ящик, где хранился медицинский спецкомплект.

Пакет экстренной помощи был полностью укомплектован, и я еще раз порадовалась пунктуальности Кавээна, выработавшейся у него за годы работы спасателем. Ему, наверное, не раз приходилось сталкиваться с ситуациями, когда отсутствие какой-то мелочи создавало дополнительные трудности в и без того сложном положении.

Поковырявшись в ящике с медикаментами, я отыскала травмокомплект, нашла нужные самовсасывающиеся шприц-тюбики и спросила у мужчины, который морщился все сильнее – видно, шокое состояние окончательно прошло, да и ситуация выровнялась и не требовала от него сильного напряжения, заглушавшего прежде боль.

– Морфин? – спросила я с некоторым сомнением.

Он молча кивнул головой.

Я передала ему шприц-тюбики гидрохлорида морфина и атропина, который рекомендуют колоть вместе с морфином, чтобы нейтрализовать побочные явления.

Пока он вводил себе лекарство, я отыскала в медкомплекте универсальную шину, которую можно подогнать практически под любой перелом, а затем помогла ему закрепить эту шину на ноге. Второй мужчина все это время продолжал нервно вздрагивать от смеха, по-прежнему забившись в угол. Мне он не пытался помочь.

Минуты через две шина была надета, мужчина у пульта управления облегченно вздохнул и выпрямился, перестав хвататься за свою сломанную ногу. Морфин начал действовать.

Боже! Каким он оказался огромным. Сидя за пультом, он был, наверное, примерно того же роста, что и я стоя. Хотя я и преувеличиваю, но совсем немного. Как говорилось в детской

книжке, которую мне читала бабушка в раннем детстве: «... людей такого роста встретить запросто не просто!» А тут встреча была тем более поразительной, что произошла она при столь чрезвычайных обстоятельствах.

– Что же у тебя связь-то не работает, а, спасительница? – пробасил огромный.

Второй, в какой-то форменной одежде, все продолжал всхлипывать и, похоже, уже на самом деле плакал, вжавшись в угол между приборами.

«Обычная послестрессовая истерика, – определила я, машинально делая выводы из его поведения и по привычке ставя диагноз. – Свидетельствует о сильно развитом инстинкте самосохранения и слабости личной воли, а также об ослабленной психологической защите...»

– Я ее выключила, когда погружалась, – ответила я, справившись наконец со своим смехом и лишь изредка вздрагивая от коротких смешков, которые сами собой вырывались из меня.

– Зачем? – удивленно поинтересовался мужчина за пультом.

– Чугунков мешал своими криками, – ответила я. – Не люблю, когда кричат под руку.

– Самостоятельность любишь? – не столько спросил, сколько констатировал мужчина. – Ну что ж, давай знакомиться! Отвечай на вопросы, только быстро. Как зовут? Что наверху? На поверхности кого-нибудь подобрали?

«Начальник! – фыркнула я про себя. – Привык командовать! Что ты! Шишка!.. Кормил бы селедок сейчас, если бы не я... Со сломанной ногой далеко не уплывешь в открытом море...»

– Отвечаю быстро в порядке поступления вопросов, – фыркнула я теперь уже вслух. – Зовут меня Ольга. Наверху – шторм. На поверхности, кроме масляных пятен от вашего самолета, подбирать было нечего.

Он усмехнулся.

– Мелкая птаха, но кусачая, – сказал он.

– Теперь моя очередь, – заявила я. – Вопросов у меня на один больше. Первый. На какой глубине мы находимся? Второй. Как, по-вашему, чрезвычайные обстоятельства освобождают человека от необходимости помнить о половых различиях или вы просто считаете, что все в МЧС должны знать вас в лицо? Насколько мне не изменяет память, мужчины обычно представляются первыми. Вопрос третий. Что за истерическая личность сидит у меня за спиной и прислушивается к нашему разговору? Не та ли, с которой вы выясняли отношения в салоне самолета перед его падением в море? И вопрос четвертый. Когда все же произошел взрыв в носовой части самолета – до вашей драки или после?

Менделеев, а я ни секунды не сомневалась, что это он, почесал в затылке. Мой напор явно не понравился ему. Но выяснить, что же я собой представляю, он, конечно, захочет, а потому на вопросы мои ответит. Хотя это и не говорит, что в его ответах будет – «правда и ничего, кроме правды». А почесывание в затылке – жест скорее театральный, чем искренний. И еще – я видела совершенно ясно, что он тщательно обдумывает каждую свою фразу.

– Ну, на первый вопрос ответить не сложно, – сказал он наконец. – Над нами двести метров каспийской воды, и мы поднимаемся, но очень медленно, потому что... Не знаю, стоит ли это объяснять? Словом, чтобы избежать кессонной болезни. А вот второй вопрос был уж больно заковыристый. Не знаю, стоит ли отвечать на него. Впрочем, вы правы – я не настолько известная личность, чтобы знать меня в лицо. Поэтому считаю необходимым представиться: я генерал-майор МЧС Менделеев, зовут меня Николай Яковлевич. Остальные пункты личного дела, пожалуй, для вас не особенно существенны... За спиной у вас... – он подчеркнуто, даже как-то вызывающе произнес это обращение – «у вас» — ...сидит второй пилот самолета, некто Анохин, с которым мы действительно слегка повздорили перед взрывом в носовой части самолета, как вы изволили выразиться, и поразили меня, не скрою, своей, прямо скажем, чрезмерной осведомленностью и гипертрофированной любознательностью. Но позже мы нашли с ним общий язык.

– Каким же это образом? – спросила я.

– А это наш с Анохиным секрет! – ответил Менделеев.

Он повернулся к человеку в летной, как я теперь рассмотрела, форменной рубашке и спросил его, как мне показалось, угрожающе:

– Не правда ли, Анохин?

Тот промолчал. Он уже не бился в истерике, только изредка всхлипывал, сидя на полу и изнеможенно прислонясь к стене аппарата.

– Вот видите, Ольга, – сказал Менделеев, произнеся мое имя как-то подчеркнуто жестко. – Анохин подтверждает мои слова. А на четвертый ваш вопрос я, кажется, уже ответил.

Я собиралась продолжать нашу беседу в форме допроса, но он, очевидно, собирался делать то же самое.

– Теперь вернемся все же к моим вопросам, – твердо сказал Менделеев.

Я сразу же пожалела о своем словесном демарше, предпринятом против него. Ну что у меня, в самом деле, за дурацкий характер!

Сразу кидаюсь с мужчиной в драку. Хотя стоит мне только подумать спокойно и разобраться в самой себе и своих чувствах в этот момент, как я понимаю, что просто мщу всем мужикам за поступок одного из них, принесший мне немало переживаний и даже страданий.

Но при чем тут, скажите бога ради, Менделеев? Ну разве он хоть сколько-нибудь виноват в том, что Сергей ушел от меня?

Я готова была извиниться, но Менделеев не ждал моих извинений, он действовал, соображаясь с ситуацией, и это, должна признать, были наиболее разумные на данный момент действия.

– В ответ на вашу осведомленность хочу продемонстрировать свою. Несмотря на лаконичность вашего ответа на вопрос о себе, готов поспорить, что имею сомнительное удовольствие общаться с капитаном, кажется, Ольгой Николаевой, экстремальным психологом и командиром одной из региональных групп федерального подчинения.

Я кивнула, желая показать свою готовность к установлению между нами контакта, хотя он удивил меня, конечно, своей догадливостью.

– Рад, что не ошибся, – продолжал Менделеев, хотя в его голосе я не услышала никакой радости, скорее наоборот. – Второй ваш ответ был не менее лаконичен, но из него следуют далеко идущие выводы. И главный из них – я не уверен, что я могу всплывать на поверхность во время шторма, не подвергая свою, а впрочем, и вашу жизнь опасности. Кстати, не мешало бы уточнить, что же там, наверху, происходит на самом-то деле. Не могу согласиться, что вы слишком умно распорядились возможностями, которые предоставляла вам связь с «Посейдоном». Ваша подростковая самостоятельность может дорого мне обойтись!

С этими словами он повернулся к приборной панели и взял в руки микрофон.

– «Посейдон», ответьте «Скату»! «Посейдон», ответьте «Скату»! – несколько раз повторил он в микрофон и переключился на прием.

Эфир был девственно чист, лишь иногда прорывалось какое-то неоформленное в слова хрипение и свист. «Посейдон» упрямо молчал, не желая отвечать на наши позывные, и это серьезно беспокоило меня. Связь должна была работать! Если, конечно, ничего не случилось там, наверху. Все-таки – шторм! Все может быть!

– «Посейдон» не отвечает! – констатировал Менделеев. – А это значит, что нам не стоит рассчитывать на беседу с генералом Чугунковым и пока придется довольствоваться обществом друг друга, не для всех из нас приятным. Итак, продолжаем разговор!

«Клоун! – подумала я, вновь на него раздражаясь. – Ты должен решение принимать, как старший по званию. А ты – «продолжаем разговор!». Тоже мне – генерал-майор! Карлсон-переросток! Мне остается ответить только: «Ну, погоди!» Ничего, ребята! Сейчас я вас разве-селию! А то что-то мы с вами заскучали!»

– Согласитесь, с моей стороны было бы наивно верить вам на слово, – заявила я Менделееву, – что вы именно тот человек, за кого себя выдаете. С составом пассажиров самолета были всякие неожиданности. Вы можете доказать, что вы – на самом деле Николай Яковлевич Менделеев, генерал-майор МЧС?

Мой вопрос его обескуражил и еще, показалось мне, – насторожил. Говоря о неожиданностях с составом пассажиров самолета, я-то имела в виду, что в их числе совершенно неожиданно для меня оказался он, Менделеев. А вот что подумал он, услышав мой вопрос? Но мой интерес к его личности явно не понравился ему.

– Пожалуй, я был не прав, – усмехнулся он. – Вы не птаха, вы – оса, которая раздражена и жалит всех, кто под руку попадется. Но ситуация у меня сложная. Документов у меня нет. Как видите, пиджак мой остался в самолете вместе со всеми бумажками, которыми я мог бы подтвердить свою личность. Ну что ж! Придется мне довольствоваться пока званием мужчины средних лет, плотного телосложения, высокого, красивого, но... со сломанной ногой и неустановленной личностью.

«Так-то лучше! – подумала я злорадно. – А то – «я могу...», «сомнительное удовольствие...» Генерал-майор он, видите ли! Может быть, еще и обращаться к вам по форме прикажете?»

– А у этого якобы пилота потерпевшего катастрофу самолета есть какие-нибудь подтверждения, что он именно Анохин? – продолжала я расставлять роли в нашей тесной вынужденной компании. – Вашего утверждения, что это именно так, теперь недостаточно, поскольку вы сами – неустановленная личность.

Человек в летной рубашке вскинул голову, послал Менделееву ненавидящий взгляд и вытащил из кармана брुक бумажник. Покопавшись в нем, он достал слегка подмоченную картонку с фотографией и протянул мне. На ней было написано:

«Пропуск. Выдан Анохину Арнольду Аркадьевичу, пилоту гражданской авиации Санкт-петербургского летного отряда. Действителен по...»

Дальше шли какие-то неразборчивые каракули и дата – что-то вроде «декабрь 1999 года».

– Куда пропуск? – спросила я.

– На летное поле Санкт-петербургского авиаотряда, – быстро и с готовностью ответил он.

– Хорошо, Арнольд Аркадьевич, – сказала я, давая понять, что удовлетворена этим документом. – Вы можете подтвердить личность этого человека?

– Нет! – воскликнул Анохин, сверкая глазами на Менделеева. – Я его первый раз в жизни вижу!

– Позвольте, позвольте! – возразила я. – Как же в первый? А он утверждает, что вы дрались с ним в салоне самолета. Он лжет?

– Да! – крикнул Анохин, брызжа слюной. – Ни с кем я не дрался! Я вышел в салон самолета уже после взрыва, чтобы успокоить пассажиров! А он дрался не со мной, а с одним из пассажиров, причем тот ему здорово врезал, насколько я помню!

«Так, ребята! – подумала я озадаченно. – Я думала слегка развлечься с вами, а тут какая-то интрига вырисовывается. Я что-то ничего пока не понимаю!»

Менделеев неожиданно засмеялся.

– Хороший ход! – сказал он, обращаясь, впрочем, не ко мне, а к Анохину. – Но глупый! Ты в покер умеешь играть, Анохин? А в преферанс хотя бы? Блефовать хорошо, когда никто не видел, что у тебя на руках, иначе тебя просто посадят. И крупно посадят!

– Давайте без загадок! – потребовала я. – Я офицер МЧС и нахожусь при исполнении служебных обязанностей! Прекратите морочить мне голову! Я должна разобраться, что произошло в самолете непосредственно перед взрывом и сразу после взрыва!

– А почему я должен верить тебе? – накинулся вдруг на меня Анохин. – Откуда я знаю, что ты из МЧС? Мы в море, хуже того – мы под водой, где нет ни МЧС, ни МВД, ни ФСБ, ни вообще никакой власти...

Он вдруг осекся.

«Ну, насчет МЧС ты, Анохин, не прав, – подумала я. – МЧС в нашей тесной компании более чем достаточно! Две трети от числа всех присутствующих, можно сказать – абсолютное большинство, способное принимать решения!»

– И что это за допрос?! – вскинулся опять Анохин. – По какому праву мне задают все эти вопросы? Я отказываюсь отвечать неизвестно кому!

Карточка спасателя лежала у меня во внутреннем кармане водолазного костюма, и заткнуть ему пасть мне не стоило труда, но я решила, что смогу вытащить из него больше информации в том случае, если он до конца не будет уверен, что я – офицер МЧС. Он тоже, без всякого сомнения, ведет какую-то игру, так же, как и Менделеев. В чем суть этой игры, я пока понять не могу. Но если я сейчас все окончательно расставляю по своим местам, тот же Анохин сразу замкнется и не скажет больше ничего, что могло бы пролить свет на происшедшее в самолете. А мне почему-то казалось, что эта история со взрывом имеет гораздо большее значение, чем просто – причина катастрофы самолета.

Менделеев снова засмеялся.

– Вот и птаха по клюву получила! – воскликнул он. – Веселая компания подобралась! Из нас троих – один Анохин известно кто!

При этих словах он посмотрел на Анохина, и мне показалось, я прочитала в его взгляде неприкрытую угрозу. При всей его выдержке, которую я оценила сразу же, я не уверена была, что у них с Анохиным дело вновь не дойдет до мордобоя. Драка в тесном пространстве «Ската» на глубине двухсот метров – это я представляю! Увольте меня, уж пожалуйста, от таких развлечений! Да у Анохина и шансов-то никаких против Менделеева, это называется – связался черт с младенцем! Даже если учесть, что черт этот – со сломанной ногой! В самолете-то он не один дрался с Менделеевым, ему помогал кто-то из пассажиров... Вот, кстати, прекрасная возможность поменять тему разговора! Что это за таинственный пассажир, который сумел справиться со столь внушительным противником, как Менделеев?

– Брек, ребята, брек! – развела я руками, словно рефери на ринге. – Давайте лучше сообща решим один вопрос. Что это за пассажир, который участвовал в драке между вами в салоне самолета?

Увидев, как вскинулся Анохин на мой вопрос, я поспешила добавить:

– Ладно, Анохин, не кипятитесь. Можете отвечать, оставаясь в пределах своей версии: что за пассажир дрался с этим неизвестным вам человеком в салоне самолета? Давайте, вы первый и начнете отвечать.

– Позвольте-ка, спасательница! – подал голос Менделеев, и я услышала явную иронию в его голосе. – А почему это, собственно, вас интересует? Что это у вас за нездоровый интерес к дракам между мужчинами? Это что – женское любопытство?

– А вам не интересно, кто это оказал вам столь эффективное сопротивление? – спросила я Менделеева. – Или вам этот человек хорошо известен?

Менделеев заметно смутился и пробормотал:

– Я, по-вашему, знаком со всеми пассажирами этого самолета?

«Ушел от ответа, – отметила про себя. – Это само по себе уже о чем-то говорит. Или он хорошо знает того пассажира, но не хочет в этом признаваться, или он его не знает, но не хочет, чтобы я проявляла интерес к этой личности. И то и другое требует разъяснения...»

– Давайте поступим следующим образом, – предложила, обращаясь в основном к Менделееву. – Доказать друг другу, что мы именно те люди, за которых себя выдаем, мы пока не сможем. Но давайте тогда придерживаться хоть каких-нибудь версий на этот счет. Самая про-

стая – что так оно и есть на самом деле. Но тогда мы должны объяснить свои поступки таким образом, чтобы они вписывались в эти версии. Вы с этим, надеюсь, согласны?

Менделеев секунду подумал и кивнул в знак того, что не возражает. А что еще он мог предложить? Сейчас явно проигрывал мне в активности и просто вынужден был соглашаться на мои предложения.

– Тогда логика ситуации требует, чтобы я начала с себя. В конце концов, это я без всякого приглашения ворвалась в вашу компанию и нарушила ваш приятный ли, неприятный ли, но тет-а-тет на борту затонувшего самолета...

Менделеев хмыкнул. Он явно не возражал.

– Меня эпизод с дракой интересует прежде всего с профессиональной точки зрения, – начала я свои объяснения. – В первой группе спасенных пассажиров была женщина, которая сообщила нам...

– Кому это нам? – перебил меня Менделеев.

– Чтобы задавать подобные вопросы, – отрезала я, – вы должны иметь на то полномочия, а они у вас пока еще весьма сомнительны. Но ответу на ваш вопрос единственным возможным в данной ситуации способом – сообщила мне и моим коллегам. Вас это устроит?

Менделеев недовольно фыркнул, но промолчал.

– Итак, сообщила нам, – продолжала я, – что в салоне самолета произошла драка, в которой участвовали вы... – Я указала на Менделеева. – Причем ошибиться тут было невозможно, поскольку вашу внешность она описала очень живописно и даже экспрессивно... По ее словам, в драке участвовали три человека. Вторым были вы, Анохин...

– Она врет! – нервно перебил меня пилот. – Вы не имеете права!

– Вы тоже никаких прав тут не имеете! – перебила я в свою очередь. – Даже права на адвоката. Разве что поищите его среди каспийских сеledок. Не желаете с ними пообщаться?

Анохин молчал. Видно, я производила на него довольно устрашающее впечатление.

– А раз не желаете, – продолжала я, – то и помалкивайте насчет того, кто какие права имеет. Лучше ответьте еще раз и хорошо подумав – участвовали вы в той драке или нет? Имейте в виду, что если я та, за кого себя выдаю, то мои показания будут рассматриваться в официальном расследовании причин катастрофы. От расследования вы, как пилот самолета, не отвертитесь. Тем более что есть еще второй пилот... Простите, я имела в виду – первый пилот, который тоже может дать свои показания, и они должны будут точно соответствовать вашим.

Не знаю, правильно ли я сделала, упомянув первого пилота, который так и остался скорее всего в рулевой кабине самолета и никогда не сможет дать показания. Но Анохин посмотрел на меня враждебно и как-то злорадно. Я думаю, он знал, что первый пилот мертв.

– Не думаю, что мои слова будут противоречить тому, что покажет Панов, – ответил он тихим, но каким-то интригующим, что ли, голосом, то ли намекая, то ли не умея скрыть, что знает он больше, чем говорит. – Вы, кстати, забыли еще пассажиров, из которых добрая половина видела, что я не участвовал в той драке... Ну, почти не участвовал. Я только столкнулся в проходе из салона в рулевую рубку с этим гражданином, знать которого не знаю и увидел тогда впервые. Мне показалась подозрительной стремительность, с которой он направлялся в кабину пилотов, в которой, как известно, посторонним людям делать нечего. Я, абсолютно его не трогая, просто встал у него на пути, чтобы не дать пройти и выяснить, в чем, собственно, дело. Но он грубо отшвырнул меня со своего пути. Вернее, попытался отшвырнуть. Я вцепился в рукав его пиджака, но он сбросил пиджак и оставил меня за своей спиной. Если бы не вмешался тот неизвестный мне пассажир, не знаю, чем кончилось бы все это. Ему удалось бы ворваться в салон и помешать Панову плавно посадить самолет на воду...

Менделеев слушал его молча и только изредка скептически фыркал.

– Пойдите, Анохин, – прервала я. – А зачем потребовалось сажать самолет на воду? Это была вынужденная посадка? Или Панов в одиночку, самостоятельно принял решение посадить на воду исправный самолет и, таким образом, затопить его?

Анохин после моего вопроса занервничал, а Менделеев посмотрел на меня с удивлением и интересом, хотя не могу утверждать, что интерес его был доброжелательным.

– Я отказываюсь отвечать на провокационные вопросы! – заявил Анохин, ерзая в своем углу. – Самолет потерял управление в результате взрыва, устроенного им!

Он ткнул пальцем в Менделеева.

– Курам на смех, Анохин! – отозвался Менделеев. – На какой хрен мне это нужно было?

– Он знает, на какой хрен! – завизжал Анохин. – Он хотел угнать самолет в Турцию! Он угрожал взорвать нас всех! Он террорист! Он преступник! Это он взорвал самолет и утопил пассажиров. Это он убил Панова!

Выкрикнув это, Анохин осекся и посмотрел на меня с удивлением. – Что вы ко мне привязались со своими вопросами? – закричал он. – Кто вы вообще такая? Я вообще не буду больше ничего говорить! Вы не заставите меня говорить то, что я не хочу говорить! Не имеете права!

Менделеев слушал его с мрачной улыбкой, не обещающей всем остальным ничего хорошего. Но когда он начал говорить, я с удовлетворением убедилась, что мне удалось все-таки навязать ему тот стиль общения, к которому я с самого начала стремилась.

– Я не буду даже пытаться опровергнуть тот бред, который он сейчас нес, – сказал он мне, признавая тем самым мое ничем не подтвержденное право задавать вопросы и требовать ответа на них. – Если я тот, за кого себя выдаю, а вы – я все-таки в этом уверен – мало в этом сомневаетесь, у меня не может быть даже теоретических мотивов, чтобы совершить любое из тех действий, которые он мне приписывает. Я хотел угнать самолет в Турцию! Да за каким, понимаете ли... И почему именно в Турцию, почему не на Занзибар?!

Я, может быть, и была согласна насчет отсутствия у него мотивов, но одна мысль не давала мне покоя, мешая согласиться с его логикой.

«Все это было бы хорошо, – размышляла я, – если бы была уверена, что вы, генерал-майор Менделеев, не имеете никакого отношения к нашим противникам. Вы один из немногих подзреваемых в таких контактах, а устроить подобный спектакль – большого таланта не нужно. Возможно, и Анохин работает на тех же людей, что и вы, а теперь вы подставляете его, чтоб самому выйти из сложной ситуации... Мотивы? Если вы и в самом деле тот агент, которого я ищу, за пять минут я накопаю вам с десятков мотивов, которые будут мотивировать ваши действия!»

– Мы несколько отвлеклись от вопроса, который я предлагала обсудить, – мне стало скучно, – и вновь скатились на личности. Меня интересует все же – кто тот третий, что участвовал в драке? Выскажите, пожалуйста, свои мнения. Сначала вы, Анохин.

– Это один из пассажиров, случайно оказавшийся рядом, когда он... Анохин вновь возмущенно ткнул пальцем в Менделеева. – ...ломился в кабину пилотов.

– И вы его не знаете, так?

– Не знаю! – отрезал Анохин. – Он помог мне справиться с этим бандитом, и это все, что я о нем знаю...

– А вы что скажете? – повернулась я к Менделееву. – Так было дело?

– Мне вообще-то начинает надоедать этот фарс! – проворчал Менделеев в ответ. – Достаточно нам подняться на поверхность, и мы будем говорить совсем по-другому. С вами обоими.

– Ну это еще неизвестно, как мы с вами будем разговаривать, – заявила я. – Даже звание генерал-майора не освобождает вас от ответственности за свои действия. А вы почему-то предпочитаете о них умалчивать! Это рождает всякие подозрения на ваш счет.

– Ну, хорошо! – устало и раздраженно вздохнул Менделеев. – Подозрения, подозрения!

Он вдруг улыбнулся, и я почувствовала, что сейчас он попытается сменить тон. И не ошиблась.

– Для генерала быть интеллигентом – тяжелый, надоедливый и совершенно ненужный груз! – заявил он. – Но избавиться от него уже невозможно – прирос! Поэтому, только ради того, чтобы меня не подозревали такие очаровательные офицеры МЧС, я расскажу, как было дело. А то, чего доброго, у меня среди личного состава спасателей сложится репутация синей бороды!

– И что же вы хотите рассказать? – продолжала я подковыривать его, не успев правильно оценить изменившуюся интонацию в его разговоре и адекватно отреагировать на это.

Он посмотрел на меня укоризненно и сказал:

– Я хочу рассказать, как все было на самом деле. Может, это освежит и его память.

Он кивнул на Анохина.

– Он сейчас наврет! – выкрикнул тот. – Он с три короба наплетет, только уши развесь!

– Заткнитесь, Анохин! – сказала я ему. – Вас мы выслушали.

– Я летел на этом самолете как частное лицо, – сказал Менделеев, поглядывая на меня как-то заговорщицки, – к своим друзьям в Красноводск, поскольку нахожусь сейчас в отпуске...

«Один раз уже соврал, – отметила я про себя. – Но извинить его, конечно, можно, не станет же он посвящать нас с Анохиным в какие-то тайные контакты между родственными министерствами на межгосударственном уровне. Ладно, послушаем дальше...»

– На подлете к Красноводску самолет начал резко снижаться, и я пошел в кабину пилотов, чтобы выяснить, что случилось. Интерес, на мой взгляд, вполне понятный для человека с моим катастрофическим опытом.

Каламбур вышел не совсем удачный, он сам это понял, слегка засмутился и принялся объяснять, чем поставил себя в еще более неловкое положение.

– Я имею в виду – для человека с моим опытом участия в катастрофах... То есть в ликвидации последствий различных катастроф.

Он окончательно запутался в двусмысленных оттенках своей фразы и умолк. Я не мешала ему собираться с мыслями. В конце концов, времени у нас достаточно, декомпрессия еще не закончилась...

– Я хотел узнать у пилотов, почему самолет снижается над морем, – сделал Менделеев еще одну попытку. – Но пройти к ним мне не дал этот вот самый фантазер, который прямо на наших глазах наплел столько небылиц... Он набросился на меня в проходе из салона к кабине пилотов, вцепился в горло сзади и принялся душить, хотя, я думаю, явно переоценил свои силы. Признаюсь, я несколько растерялся... Нападение было слишком неожиданным и каким-то бессмысленным, что ли? Ну, что я сделал? Я развернулся, отчего он оказался прижатым к какой-то переборке, которая затрещала...

– Это кости мои затрещали! – встрял Анохин.

– Я же сказала, заткнитесь! – прикрикнула я.

– Он по-прежнему был у меня за спиной, но уже со стороны салона, – продолжал Менделеев, не обратив внимания на выкрик Анохина. – Чтобы задержать меня, он действительно вцепился в рукав моего пиджака. Я сбросил пиджак и накинул его на голову этого идиота. Но тут откуда-то возник тот самый пассажир. Он был очень худой и еще – выражение его лица меня поразило. На лице у него я увидел неожиданную для меня злобу и уверенность в своих действиях. Я не умею точно передать то, что я видел, но мне показалось, что этот человек никогда ни в чем не сомневается, и еще... Наверное, ни во что не верит... Не знаю, откуда я это взял, но это так!

Он замолчал и задумался.

– А во что верите вы? – спросила я его. – Есть что-то, во что вы верите?

Это мой любимый вопрос. Если мне нужно понять, говорит человек правду или врет, я всегда задаю этот вопрос. А сейчас Менделеев сам на него меня вывел. Все зависит от того, как человек отвечает на этот вопрос. Он может говорить много и убежденно вроде бы, но я всегда внимательно смотрю за выражением его глаз. Не может человек говорить искренне о том, что ему скучно, глаза всегда выдают эту скуку. Вера – бессознательна, а вранье – слишком сознательный процесс, и поэтому разницу для опытного психолога заметить совсем не трудно...

Менделеев посмотрел на меня удивленно, словно я задала весьма бестактный вопрос. Я понимала, что он прав и вопрос мой действительно бестактен. Человека нельзя, например, спрашивать, верит ли он в Бога. Это слишком интимная сфера, чтобы вот так вот вторгаться в нее бесцеремонно и даже нагло. Верит ли человек в Бога, это он скажет только самому Богу. Если, конечно, будет в тот момент предельно честен с самим собой.

Но у меня был совершенно другой интерес. Меня, собственно говоря, не занимало, верит во что-нибудь Менделеев или не верит. Мне важна была только его реакция на этот вопрос, поскольку реакция эта очень информативна и дает возможность многое понять о человеке.

– Я верю во многие вещи, – ответил он с раздражением. – Во многие и слишком важные вещи, чтобы сейчас обсуждать с вами это... Но кое-что, пожалуй, вам все же отвечу.

Он пристально посмотрел на меня взглядом, не обещавшим ничего хорошего. – Я, например, верю, – сказал он, – что в недалеком будущем мы с вами, капитан Николаева, будем разговаривать совершенно в другом тоне, хотя скорее всего о тех же самых предметах, которые сейчас в центре нашего внимания. Возможно, тогда и меня заинтересует вопрос, на какие идеалы вы ориентируетесь в своей жизни...

– Фу, генерал, – ответила я ему, – даже если вы и в самом деле генерал... Угрожать женщине, да еще используя свое высокое звание и не менее высокое служебное положение! Это под стать только какому-нибудь лейтенантику, страдающему комплексом неполноценности, особенно при встречах с женщинами. Но вам-то, при вашем, как вы выразились, катастрофическом опыте! Наверное, это слишком мелко!

Он вновь смутился. Я давно обратила внимание – чем крупнее, больше, сильнее физически мужчина, тем легче женщине его смутить. Наверное, здесь действует какой-то компенсационный механизм. Женщина всегда находит, что противопоставить грубой силе и превосходящим ее размерам.

Надо отдать должное Менделееву, он быстро справился с собой и неожиданно для меня рассмеялся.

– Вынужден прервать нашу дискуссию, – заявил он. – Хотя для меня очевидно, что ни одна из сторон не добилась результата, на который рассчитывала. Времени прошло еще недостаточно, но попытаемся все же подняться на поверхность, где, я не сомневаюсь, нам представится возможность продолжить нашу беседу.

С этими словами он отвернулся к пульту управления и принялся маневрировать рулями глубины. «Скат» слегка закачался, но движение его относительно окружающей нас воды было почти неощутимым.

Мы начали подъем. Сломанная нога ничуть не мешала генералу Менделееву управлять аппаратом, так как оно было почти полностью ручным. Поднимались мы медленно, чтобы не подвергать себя резкому изменению давления, которое Менделеев постепенно стравливал, изредка поглядывая на нас с Анохиным, как мы там себя чувствуем. Не знаю, как Анохин, а я чувствовала себя совсем неважно. Главным образом – психологически.

«Надо же, – ругала я сама себя, – было связаться с генералом. Теперь неприятностей не оберешься. Еще и от расследования отстранят... А то и с работы выгонят. Что я тогда буду делать? Кому сейчас нужны психологи? Да еще с такой специфической специализацией, как у меня? В школу? Ну да, ничего лучше ты не придумала! – сказала я самой себе. – Школьным психологом тебе никогда не быть. Там работают люди, ничего в жизни не желающие, ни

о чем не думающие, ничем не озабоченные... Тебе там останется только революцию в системе школьного образования устраивать либо руки на себя наложить. Но ни то, ни другое тебя, насколько я знаю, не привлекает. Скучно всем это. Так же скучно, как идти, например, психологом в какую-нибудь коммерческую фирму. Крупные коммерсанты любят сегодня держать у себя психологов – набор кадров, взаимоотношения в коллективе, деловые игры, умные разговоры с деловыми партнерами – чтобы пыль им в глаза пустить. Вот, мол, как у нас дело поставлено, даже психолога имеем! Тоска! Хотя деньги платят за это вполне приличные... А зачем мне деньги? Хорошо одеваться? Для кого? Для себя самой? Нарциссизмом я вроде бы не страдаю! Сережа меня бросил!..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.